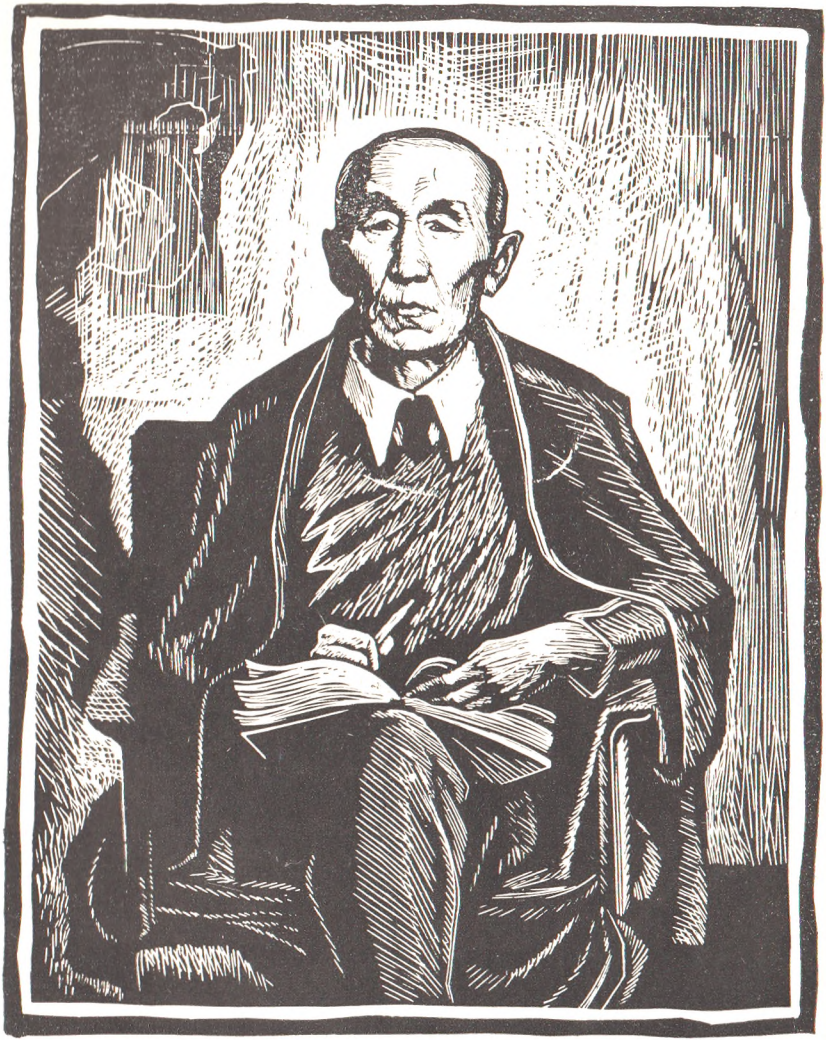

К. БАЯЛИНОВ

КРАСНОЕ ЗНАМЯ НАРЫНА

Перевел с киргизского
Валерий ВАКУЛЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЕКТЕП»

ФРУНЗЕ 1977

С (Кирг)
Б 34

Баялинов К.
Б 34
Красное знамя Нарына. Повесть. Перевод В. Вакуленко. Ф., «Мектеп», 1977 ©

88 с.

Новое произведение одного из зачинателей киргизской письменной литературы народного писателя Киргизии К. Баялинова создано на основе подлинных исторических событий первых лет Советской власти в нашей республике. В центре повествования — борьба киргизского народа во главе с коммунистами против басмачества и мятежников в Нарыне, мужество и патриотизм трудового крестьянства, его решимость отстоять завоевания Революции.

С (Кирг)

Художник Т. Герцен

Б $\frac{164—097}{М\ 452\ (17)—77}$ 146—77

© Издательство «Мектеп», 1977 г.

ЗА ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ОБНОВЛЯЕТСЯ НАРОД...

Киргизская народная пословица

Из-за гор взошло солнце, и в долине сразу стало теплее.

Солнце встало багровое, и оттого все вокруг — река Кочкор, горы, деревья, кустарники — отливало красным. Берегом стремительной и бурной реки катила крытая повозка, запряженная парой лошадей. Впереди, погоняя, сидел возница, за ним — двое, Нуркасым и Кадыйча.

Нуркасыму минуло двадцать. А Кадыйче не было и восемнадцати. Познакомились они случайно, когда Нуркасым приехал в село Талас. В ту пору в Аулие-Ате[1] уже установилась Советская власть. Нуркасым вступил в партию и работал инструктором в уездном исполнительном комитете. Трудолюбивый и добросовестный, он был на хорошем счету в исполкоме.

---

[1] Джамбул.

Как-то раз Нуркасыма вызвали в Ташкент. Когда об этом узнала мать, она сказала:

— Сынок, ты вырос и стал настоящим мужчиной. Это хорошо, и я довольна тобой. Но в народе, сынок, говорят: «Свой и в беду хорош, а чужой — только на пиру». Послушай меня старую: прежде чем ехать в Ташкент, поезжай к своим в Талас, время у тебя еще есть. Повидайся с родичами. Чтобы люди могли о тебе сказать: «Сын Жанболота не нарушил обычай»... Проведаешь родичей, а потом со спокойным сердцем и поезжай в Ташкент. Послушай меня, сынок.

— Хорошо, мама, я обязательно съезжу,— обещал Нуркасым.

И поехал.

* * *

...Шел сентябрь 1918 года.

Нуркасым держал путь в родной Талас. Солнце стояло высоко — багровое и нежаркое. Путь у Нуркасыма был неблизкий, и лежал он через опустевшие осенние пашни и выжженные солнцем поля. Хлеба уже давно убраны. Голо и пусто вокруг.

Вот впереди показался всадник на игреневом коне. Нуркасым поравнялся с ним. Всадник оказался седобородым стариком. Нуркасым еще не успел поприветствовать незнакомца, как тот заговорил первым:

— Куда путь держишь?

— В Талас, аксакал.

— Значит, нам по пути. Очень хорошо, сынок, вдвоем будет веселее.

Старик скорее по привычке, чем из необходимости, хлестнул коня камчой. Конь нервно дернул хвостом, но шагу не прибавил.

— По делам едешь или живешь там? — снова спросил старик, глядя на дорогу.

— Нет, аксакал, я в Аулие-Ате живу, а в Талас — к родичам.

— А ты чей сын будешь? Может, я кого знаю...

— Я сын Жанболота, аксакал.

— Какого Жанболота? — Старик быстро повернул голову. — Как будто имя знакомое... Я когда-то у богача Кудайбергена батрачил, у него еще один батрак был. Его тоже звали Жанболотом. Уж не твой ли это отец, сынок?

— Возможно. Мать как-то рассказывала мне, что отец батрачил у бая Кудайбергена...

— А, вот оно что! Значит, ты и есть сын моего старого друга Жанболота. Зовут меня Турумбек, а живу я в Таласе...

В пути аксакал расспрашивал Нуркасыма о городских новостях, о Ленине, о том, что делают большевики и вождь их, Ленин, для того, чтобы беднякам жилось свободно, счастливо.

— Да, сынок,— сказал старик,— и я много слыхал о Ленине. Говорят, что это он освободил нас от бай-манапов. Пускай аллах продлит его дни и пошлет ему здоровья...

Всадники поднялись в гору, переехали перевал. Когда поравнялись с кладбищем, старик остановил коня, спешился.

— Сынок,— обратился он к Нуркасыму,— попридержи-ка моего коня, я тут недолго... Прочитаю молитву по душе одной женщины...

Старик скоро вернулся.

— Аксакал, а кто она, та, по которой вы читали молитву? — не сдержал любопытства Нуркасым.

— О, сынок, это печальная история,— вздохнул старик. — Когда-то, лет шесть тому назад, я похоронил здесь женщину. Я говорил тебе, что батрачил с твоим отцом у богача Кудайбергена... Когда твой отец переехал в Аулие-Ату, я ушел от этого манапа в Талас. Там поступил в извозчики. Помню, год был тяжелый, поля выжгла засуха, а то, что уцелело от зноя, потом подчистую уничтожила саранча. И чего только не натерпелся в то время народ! Сколько нищих просило подаяние... А сколько вымерло от голода... Тяжело, ах, как тяжело мне об этом говорить, сынок...

В тот страшный год появилась в нашем селе молодая женщина с грудным ребенком. А еще была с ней девочка, лет восьми-девяти. Ходили по селу они и просили подаяние. Местные богачи иногда, бывало, и подадут ей кусок лепешки, а чаще гнали ее, несчастную, как собаку, прочь.

Однажды она постучала в ворота моего хозяина. Я открыл ворота и увидел эту страшно исхудавшую, пожелтевшую женщину с отекшим лицом. Одета она была в лохмотья, на руках с трудом держала младенца...

У меня, сынок, сердце зашлось при виде этой женщины — до того она была жалкая. Наверное, до последнего часа не забыть мне тот голодный блеск в ее глазах... На девочке был чапан в заплатах, за плечами мешок для подаяния. А сколько страдания было в этом детском личике!..

Я спросил у женщины:

— Где вы живете? Есть ли у вас свой дом?

— Ох, брат, был бы у меня свой дом, разве я вот так попрошайничала, обивала бы чужие пороги... Мы со вчерашнего дня ничего не ели. Нет сил стоять на ногах... Помогите, пожалуйста, если можете, дайте нам кусок хлеба...

Во дворе, в сарае, хозяин держал ящик для хлебных отбросов. Я взял для нищенки несколько кусков лепешки и положил их в мешок девочке. Она тут же вынула один и начала грызть черствый хлеб так, будто это был и не хлеб вовсе, а кусок сахара. Взяла и мать. Откусила, подержала немного во рту, смочила слюной мякиш и дала его младенцу. Ребенок был голоден, он сделал резкое движение ручонками и, причмокивая, начал сосать.

— Голод-голод, что ты с нами делаешь! Ох вы мои горемычные...— горько вздохнула нищенка. — Что же с вами-то будет, если меня не станет?...— вдруг запричитала она.

Я утешал ее, как мог. Наконец, нищенка успокоилась:

— Спасибо, братец, на добром слове,— поблагодарила она. — И за хлеб тоже спасибо...

Я хотел было спросить ее, из какого она села и есть ли у нее родственники, как тут показался мой хозяин.

— Осел несчастный! Откуда взялись эти бродяги? Прогони их немедленно. И с глаз долой, не то иссеку, как собаку! — закричал он.

Женщина, услышав эту брань, опустила голову и пошла прочь. Видать, не впервой ей было выслушивать такое...

По сей день, как вспомню об этом, сердце стынет.

Чем я мог им тогда помочь? В душе не раз проклинал бездушных богачей. Но проклятье — не плеть, им не высечь... Потом я надолго потерял их из виду. Но забыть не мог. Решил, что нищенка с детьми ушла в другой аил.

Мой хозяин в ту пору был известным торговцем. В городе Аулие-Ате имел своих посредников. У местного населения он за бесценок скупал кожу, шерсть, кошму. Потом я отвозил этот товар в Аулие-Ату его людям. А они перепродавали.

Однажды, как и много раз до этого, отправил меня хозяин в Аулие-Ату с товаром. Дело было летом. Из Таласа я отправился вечером, а утром, на зорьке, был уже в городе. Добро, которое привез, отдал хозяйским посредникам и поехал обратно в Талас.

Поравнялся я с этим кладбищем, слышу — дитя плачет. Приостановил лошадей, слез. Девочка всхлипывает: «Мама, проснись, есть хочу!..»

Я не на шутку испугался и почему-то подумал: уж не та ли здесь женщина с детьми?.. И бегом к коргону [1].

Турумбек глубоко вздохнул и посмотрел на Нуркасыма.

— Так кто же это был, аксакал? — не терпелось узнать Нуркасыму.

— Кто, говоришь?

Старик вздохнул и умолк, будто не мог вспомнить, кого увидал на кладбище.

— Это была та самая женщина. Она лежала с открытыми глазами — мертвая, а на ней, скрючившись, полулежал ребенок и сосал грудь мертвой ма-

[1] Коргон — стена, крепость; здесь — могильник.

тери. Рядом сидела ее дочь и плакала, уткнувшись в коленки. Увидела меня, со слезами бросилась ко мне.

Сердце мое разрывалось.

— Родненькие вы мои,— говорю,— подождите меня здесь, я быстро вернусь.

И выбежал из ограды. Выпряг одного коня и помчался верхом на ближние поля к поливальщикам, попросил, чтобы они помогли похоронить ее.

Рассказывая эту историю, старик волновался. Ему как будто не хватало воздуха, он то и дело вздыхал, поправлял тебетей...

— Когда похоронили ее,— продолжал Турумбек,— детей я забрал к себе. Девочку удочерил сам, а мальчика отдал поливальщику Батыркулу, который помогал мне хоронить их мать... Вот так-то, сынок...

Долго ехали молча.

Нуркасыму хотелось узнать, как сложилась судьба этих несчастных детей. Но старик упорно молчал. Через некоторое время Нуркасым не выдержал и обратился к нему:

— Аксакал, расскажите, пожалуйста, а что было дальше? Она так и осталась у вас? Или кто другой удочерил её?

— Как же, разве я мог ее отдать! Нет, дорогой, она со мной. Помнишь, я говорил, что у меня единственная дочь? Так это она и есть! У нас с Бурмакан не было своих детей. Вот мы и удочерили эту девочку и привязались к ней, как к родной. В Таласе отдали ее учиться в русскую школу. И выросла она у нас красивой и умной. Так-то вот, джигит! — не скрывал своей гордости Турумбек.

— А что стало с мальчиком? — снова спросил Нуркасым. — Вы о нем что-нибудь знаете? Жив он сейчас?

— А как же! Если не ошибаюсь, ему скоро семь будет,— сказал Турумбек.

— А как зовут вашу дочь, аксакал? — не унимался Нуркасым.

— Кадыйча.

— А Кадыйча вспоминает братишку? Или совсем забыла его?

— Нет, сынок, разве она может забыть его?! — улыбнулся старик. — Правда, лет до тринадцати-четырнадцати Кадыйча не вспоминала, не расспрашивала о брате. Потом, я заметил, загрустила она. И мать, конечно, это заметила.

«Что с ней? Не случилась ли какая беда в школе? — забеспокоилась жена. — Ты сходил бы в школу, узнал, в чем дело»...

Ну, пошел я в школу. Да только зря: оказалось, у нее дела в школе идут совсем неплохо, оценки — хорошие, поведение — примерное.

Тогда жена опять забила тревогу:

— Доченька, ну что с тобой творится? Не заболела ли ты, родненькая? Не таись, расскажи мне обо всем, расскажи, доченька...

— Мама, я хочу вас спросить, да никак не решусь,— говорит.

— Спрашивай, доченька, спрашивай, не стесняйся.

— Я бы хотела, чтобы при этом и отец был.

Бурмакан тут же открыла окно и кричит мне:

— Отец, ай, отец, бросай дела, иди поскорей к нам.

Я был занят во дворе по хозяйству, однако бросил дела, вошел в дом.

— Что случилось? — спрашиваю.

Кадыйча, вижу, чем-то взволнована, смотрит то на меня, то на мать.

— Отец,— начала она,— как вы думаете, жив ли мой брат? Я все время о нем думаю. Не могу забыть...

Она была так взволнована, что мне показалось, будто она дрожала.

— О, сердце, сердце, да разве может оно забыть родного человека! А мы-то, старик, хороши с тобой. Не могли сами об этом вовремя подумать,— сказала жена и принялась утешать дочку.

Я успокоил девочку, как мог. Обещал съездить вместе с ней к брату. Этот день она ждала, как праздник. И дождалась.

День выдался теплый. Накануне, помню, прошел дождь, и потому все вокруг ожило, выглядело свежо и молодо. Куда ни глянешь — густая, сочная, умытая дождем зелень. Глаз радуется и сердце сладко щемит...

Турумбек хмыкнул, сощурив глаза:

— А, может, мне только казалось так? Ведь мы оба очень многого ждали от этой встречи. Разве могло быть иначе!.. Прошло почти семь лет, как судьба их разлучила. А мальчик, наверное, и не подозревал, что у него есть родная сестра... Помнить сестру он не мог: Батыркул его сосунком усыновил.

О, сынок, какая это была удивительная встреча!..

«За беседой дороги не видать и путь короче»,— говорят в народе.

К вечеру приехали в село Талас. Турумбек пригласил в гости Нуркасыма.

* * *

— Прошу любить и жаловать,—сказал Турумбек жене, едва Нуркасым переступил порог. — Это сын моего давнишнего друга Жанболота. А зовут его — Нуркасым.

За чаем Бурмакан познакомила гостя с Кадыйчой и без устали расспрашивала потом Нуркасыма о городе, о родителях, о том, куда и зачем держит путь.

Судя по тому, как они беседовали, хозяйке нравился гость, а гость был вполне доволен своими новыми знакомыми.

«Ах, если бы,— вздыхала про себя Бурмакан,— если бы мой зять был вот таким парнем, как этот джигит... Как же они не похожи на Нуркасыма!..»

«Они» — это Догара и Борбук.

Догара был человеком не только неинтересной внешности, но и недалеким вообще. Приезжая в гости, он все время молчал. Бурмакан не могла вытянуть из него ни слова. Догара шумно хлебал чай, и выпить его мог, пожалуй, даже больше, чем верблюд воды.

Зато Борбук был не в меру словоохотлив. Даже Бурмакан уставала слушать его пустые хвастливые речи.

А Турумбек его вообще терпеть не мог. Едва Борбук открывал рот и начинал свою нескончаемую речь, Турумбек морщился, кривил губы и, хватаясь за живот руками, спешил поскорее вон из комнаты.

Ко всему прочему Борбук уже был отцом большого и такого же шумного и говорливого, как и он сам, семейства.

Оба они — Догара и Борбук — были влюблены в Кадыйчу. Тот и другой уже не раз присылали к Турумбеку сватов, обещали в калым много скота и денег.

А старая Бурмакан отвечала сватам:

— Хотя она нам и не родная дочь, но мы ее воспитали. И любим не меньше, чем родную, а потому ее слезы — наши слезы, ее счастье — наше счастье. Кадыйча выйдет замуж за того, кого сама изберет, кто придется ей по сердцу.

Не могла Кадыйча согласиться выйти замуж за такого, как Догара или Борбук. Не могла и не хотела. Только смех вызывали в ней эти женихи.

Мужа своего Кадыйча всегда представляла высоким, строгим и умным. Только такого, решила девушка, сможет она полюбить...

Не потому ли так чутко прислушивалась сейчас Кадыйча к каждому слову гостя?.. Она не пропускала ни одного его движения. И все в нем ей нравилось.

* * *

Как ни старались молодые скрыть вспыхнувшее чувство, их взгляды говорили за них...

Нуркасым слушал Бурмакан, а сам думал: «Вот и я встретил прекрасную девушку. Настоящий мужчина не должен упускать свое счастье...»

Вначале Кадыйча и Нуркасым терялись друг перед другом. Разговор не получался. Но чувства, внезапно возникшие в их сердцах, скоро сблизили их.

Вечерело. После ужина Кадыйча собралась в школу.

— У нас сегодня концерт художественной само-

деятельности,— сказала она, будто извиняясь за свое отсутствие. — Мне надо идти.

— Сынок, что же ты будешь скучать с нами, со стариками, весь вечер? Сходите вдвоем,— предложила Бурмакан.

— Да, да, пойдите вместе, сынок! — поддержал ее Турумбек. И, улыбаясь, спросил Кадыйчу: — Что же ты, дочка, не приглашаешь гостя?..

«Слепой мечтает о глазах,— говорят в народе,— а джигит о девушке», — подумал Нуркасым.

Да разве он может не пойти с такой удивительной девушкой!

* * *

Густели сумерки. Лунный свет заливал аил. Небо усыпали бесчисленные звезды. Земля надевала ночной наряд. Нуркасым взял Кадыйчу за руку — помог ей перейти арык, а потом так и не выпускал руку девушки из своей.

Окна школы были ярко освещены. Слышен веселый смех, говор школьников.

Нуркасым и Кадыйча прошли мимо школы, и сами того не заметили. Им хотелось поговорить, побыть наедине, запомнить на всю жизнь этот прекрасный, первый в их жизни вечер, который обещал им счастье...

Нуркасым рассказывал о себе, о городских новостях, а Кадыйча шла молча и внимательно слушала. Нуркасым ждал, что и Кадыйча тоже расскажет о себе. Но она молчала. Да и что она могла о себе рассказать? О том, как осиротела, или о том, как ей живется здесь? Ведь это все джигит уже знает.

«Нет, нет,— решила Кадыйча,— лучше не буду говорить ни о чем. Лучше помолчим...»

Нуркасым понял ее молчание, и Кадыйча с благодарностью посмотрела ему в глаза.

А ему вдруг стало жаль ее.

— Я все знаю...— осторожно начал Нуркасым.— Я знаю про тебя все, Кадыйча. В дороге твой отец рассказал мне о тебе. Знаешь, почему я именно у вас остановился? Когда твой отец рассказал мне об осиротевших детях, я сказал себе: я должен их увидеть. У меня не было другой мысли и других желаний. Я не мог иначе. Но когда я увидел тебя, внезапно все изменилось, я позабыл обо всем, Кадыйча... Я... больше не могу жить без тебя... Понимаешь, Кадыйча, я понял, что встретил человека, о котором, быть может, всю жизнь мечтал... Да, это так! Поверь мне, Кадыйча. Наверное, это судьба... Выходи за меня замуж, Кадыйча. Пускай моя мать будет и твоей матерью. Только не думай обо мне плохо. Все, что я говорю,— это от души, верь мне, Кадыйча...

Кадыйча все молчала. Сердце ее стучало, она боялась выдать себя. Ей нравился этот молодой горячий джигит. Разве не о таком мечтала она?..

— Скажи хоть слово,— снова обратился к ней Нуркасым. — Ты согласна стать моей женой, Кадыйча?

— Что я могу сказать вам, кроме правды? Да, мне кажется, я мечтала о таком парне, как вы... Я согласна. Я с вами пойду всюду. Но...

Кадыйча вдруг замолчала.

— Что «но»? Что же? Говори, ничего от меня не скрывай, пожалуйста,— обнял ее Нуркасым.

— Что будет с моим братом?..

— А мы его возьмем к себе. Пойдет в школу...— успокоил ее Нуркасым.

Кадыйча была взволнована. Они долго стояли обнявшись, словно давая друг другу клятву верности.

* * *

Повидав родственников в Таласе, Нуркасым попрощался с семьей Турумбека и взял путь на Аулие-Ату. А уже оттуда поехал в Ташкент.

Он не знал, что его вызвали для работы в Туркестанском Центральном Исполнительном Комитете...

Проработав в Ташкенте шесть месяцев, он уехал по новому назначению — в город Нарын, председателем уездного революционно-исполнительного комитета.

По пути в Нарын Нуркасым снова заехал в Талас. Там они и поженились. Родители Кадыйчи радовались счастливому браку.

После свадьбы молодожены съездили в аил к Батыркулу, забрали братишку Кадыйчи — Омурбека.

Больше других радовалась мать Нуркасыма.

— Слава богу,— взволнованно говорила она. — И сноха, наконец, есть у меня, и внук будет. Теперь, Нуркасым, можешь ехать, куда пожелаешь. Мне есть о ком позаботиться, вот какой славный у меня сынок,— говорила она, лаская Омурбека.

Омурбек вскоре пошел в школу, в первый класс. А Нуркасым с Кадыйчой поехали в Нарын.

Там их ждала новая неизведанная жизнь, полная непрестанных забот, радостей, тревог и отчаянной борьбы за Советскую власть, за будущее новой, социалистической Киргизии.

* * *

В те далекие годы Нарын был небольшим уездным городком, скорее похожим на село. Застроен он был уныло и однообразно: деревянные и глинобитные маленькие домики, огороженные высокими дувалами, образовывали узкие кривые улочки. Это однообразие немного нарушалось в северной части города. Здесь, на берегу реки Нарын, находились казарма и клуб, а рядом с ними небольшая церковь с остроконечным шпилем. А чуть правее от церкви, у самого подножия гор, приютилась крохотная больница.

Город лежал далеко от железной дороги. Неблизким и трудным был путь в Нарын. Из Пишпека сюда на телеге не добраться раньше, чем за шесть-семь суток. Даже всадник не мог одолеть этот путь скорее, чем за двое суток. И то—если налегке, без поклажи.

Для Нуркасыма и Кадыйчи этот долгий путь был окончен.

Начиналась новая жизнь. А с нею — и новые заботы. Надо было жить и бороться, и думать над тем, как в этой борьбе не только выжить, но и выстоять, победить.

* * *

Шел ноябрь 1920 года.

В городе по-осеннему неуютно, холодно. Пусто и тихо на узких кривых улочках. По утрам моросят затяжные дожди и дует с гор ледяной ветер.

В здании уездного городского комитета партии за столом сидят два человека. Один из них — полнеющий молодой брюнет с усиками и аккуратно под-

стриженной бородкой. Это председатель уездного городского комитета партии Хаким Мусабаев. Его собеседник — Нуркасым Жанболотов.

Скоро год, как Нуркасым работает председателем уездного революционно-исполнительного комитета. Весь уезд объездил он, выполняя указания ревкома, разъясняя населению политику Советской власти. Только вчера вернулся из поездки в волость Шаркыратма, где проверял работу волостных революционных комитетов. Вот и зашел к председателю горкома поделиться впечатлениями...

По дороге в волость, когда Нуркасым уже перевалил через Кызыл-Белес, направляясь к Ат-Баши, ему встретились два всадника — мужчина и женщина. Мужчина был в форме милиционера, на боку висела сабля, у пояса — револьвер. А женщина поразила Нуркасыма пышностью своего наряда. На голове у нее повязан дорогой шелковый платок, на плечи небрежно наброшен чапан из блестящего добротного плюша, на ногах мягкие черные сапожки в азиатских калошах. Поражало также необычайно роскошное убранство ее коня: отлично сшитое седло из черной кожи, края седла украшены серебром. Поверх седла постлано сложенное вчетверо атласное одеяло.

Когда всадники поравнялись, милиционер узнал Нуркасыма, попридержал коня.

— Ассалам алейкум! — первым поздоровался милиционер.

— А-а, здравствуйте! — ответил Нуркасым, узнав его. И тоже остановил коня. — Откуда едете, товарищ милиционер?

— Из Шаркыратмы. По делам ездил...

— Хорошо, хорошо. А кто это с вами, Кожобек? — спросил Нуркасым, взглядом указав на молодую женщину.

— Это моя жена,— ответил милиционер. — Гостила у родителей. А сейчас вот домой...

— Очень хорошо. Ну, до свидания,— сказал Нуркасым. — Счастливого вам пути.

И почему-то настороженно посмотрел им вслед. «И чего это ради они так вырядились? — подумал Нуркасым. — Уж слишком праздничный у них вид. У обоих отличные иноходцы. И откуда такое богатство? Разве милиции выдают таких иноходцев? Что-то я не видел у других. Надо бы порасспросить людей, поподробнее узнать об этом Кожобеке. Народ — он все видит, все знает...»

В Шаркыратме Нуркасыму рассказали, что Кожобек несколько лет был у волостного правителя, манапа Казы, работником. Когда установилась Советская власть, Кожобек поступил работать в милицию. А как стал милиционером — возгордился, стращал народ, взятки брал. Когда выезжал в ближние аилы по делам службы, брал с собой и жену. И устраивал там поборы: что попадало под руку — то и его.

...Выслушав подробный доклад Нуркасыма о Кожобеке, секретарь выругался:

— Сук-кин сын! Гнать таких нужно из наших рядов. Вы говорили о нем в милиции?

— Я говорил о Кожобеке с начальником милиции товарищем Нестеровым. Рассказал то, что видел сам, что говорили люди в аилах...

— Ну, и как реагировал на это товарищ Нестеров?

— Нестеров говорит, что все это выдумка, наговор на честного человека. Иноходцы, мол, его собственные. Похвалил даже за то, что на собственном коне несет государственную службу. Нам, говорит, нужно таких людей всячески поддерживать: надо, мол, только радоваться тому, что человек так предан новой власти, даже собственного иноходца ему не жаль...

— Выходит, по Нестерову, что Советская власть только и держится на таких вот мародерах, как Кожобек?! — вспыхнул Мусабаев. — Напомните мне об этом после праздника, надо всерьез навести порядок в милиции... А как обстоят дела в волревкоме? Выяснили? Вы были там? — спросил Мусабаев.

— Да, был. Там дела идут неплохо. Председателем у них Исак Шаибеков. Мы с ним все аилы объездили... Начинают строить в аилах школы. Реже стали купли-продажи девушек. У Исака мечта: привлечь к учебе всех девушек волости. Культурно-просветительная работа поставлена там хорошо. Во всяком случае — лучше, чем у других.

Немного помолчав, Нуркасым продолжал:

— Я почему-то думал, что Исак из местных, а оказалось, он из Чуйской долины...

— Да, он в прошлом году прибыл к нам из Верного по направлению облисполкома. По желанию народа здесь мы его назначили председателем волревкома. И не ошиблись: оказался способным и добросовестным работником. Да, чуть не забыл! — оживился Мусабаев. — Ты знаешь, он не только руководящий работник, но и акын.

Заметив в глазах Нуркасыма сомнение, Мусабаев улыбнулся:

— Да-да! И хороший акын!

— Акын? — все-таки высказал свое сомнение вслух Нуркасым.

— Ну, конечно, Исак Шаибеков — акын. Ты разве не слыхал песню «Бедный народ»?

— В прошлом году, когда ехал сюда, в пути слышал...

— Так это он сочинил!

— А мне сказали, что ее сложил человек по имени Молдо Исак...

Мусабаев рассмеялся.

— Киргизы, если человек умеет читать и писать, зовут его молдо.

— Вот те раз! — воскликнул Нуркасым. — И как же это я сразу не сообразил...

— В прошлом году, когда он прибыл к нам из Верного, я беседовал с ним, слушал его новые стихи. Даже запомнил несколько строк. Как же это там у него? — Мусабаев опустил голову, почесал затылок и улыбнулся: — Тьфу, забыл! Старею, видно...

В дверях показался человек в форменке, с револьвером у пояса.

— Здравствуйте, товарищи! — громко поздоровался он и улыбнулся.

— Здравствуйте! Проходите, проходите, товарищ чекист.

Мусабаев встал, за ним поднялся и Нуркасым.

— Присаживайтесь, товарищи,— запросто, по-хозяйски предложил гость, поудобнее усаживаясь на стул.

Это был председатель уездной ЧК товарищ Орозбеков, прибывший в мае этого года из Верного.

— А я думал, только я один опоздал на собра-

ние, а вижу, что нет, не только,— весело заметил Орозбеков.

— Нет, вы, конечно, не опоздали,— тоже улыбаясь, ответил председатель.

В это время в кабинет Мусабаева вошли еще несколько человек, в том числе — начальник гарнизона Копылов, командир батальона, недавно прибывшего на отдых в Нарын, Безымяннов, политический комиссар караульной роты Шатов, председатель комиссии по оказанию помощи беженцам Исамуддин Кудайбергенов, работники уездного революционного исполнительного комитета и уездного городского комитета партии Котляров, Ибраимов, Касымбеков, Сейдакматов и другие.

Секретарь оглядел всех присутствующих, но среди них не нашел начальника караульной роты.

— Товарищ комиссар, почему на собрание не прибыл ваш командир? — спросил Мусабаев у Шатова.

— Он просил извинить его, сказал, что срочные дела...

— У нас, выходит, срочных дел нету...— ни к кому не обращаясь, проронил Орозбеков.

— Ну что же, начнем, пожалуй,— сказал секретарь и взял со стола лист бумаги. — Сегодня на повестке дня два вопроса: отчет председателя комиссии по оказанию помощи беженцам товарища Исамуддина Кудайбергенова и послушаем товарищей, вернувшихся из уезда, о проведении на местах торжественных собраний по случаю годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Есть еще другие предложения?

Повестку дня единодушно одобрили.

— Слово предоставляется председателю комиссии

по оказанию помощи беженцам товарищу Кудайбергенову.

Кудайбергенов поспешно встал с места.

Из нагрудного кармана его свисала серебряная цепочка, при малейшем движении она издавала тонкий, едва уловимый звук.

Кудайбергенов неторопливо оглядел присутствующих и начал свой отчет. Он напомнил о том, сколько пришлось пережить народу, когда здесь свирепствовали царские отряды, направленные из Ташкента для подавления восстания; о том, сколько выстрадало население Чуйской, Иссык-Кульской, Джумгальской и Кочкорской долин при бегстве в Китай, и сколько людей вымерло от голода и притеснений местных чиновников и богачей уже там, в Китае...

— И вот,— продолжал Кудайбергенов,— к измученному народу пришло известие о том, что царь свергнут с престола, и что власть взял в свои руки рабочий народ, и что беженцам разрешено, наконец, возвратиться на родную землю. Но и при возвращении на родину пришлось киргизам пережить немало. На границе белоказачьи банды старались не пропускать беженцев домой, так как боялись, что большевики укрепятся еще больше.

Когда в Жети-Суу [1] установилась Советская власть и открылась граница, вереницы беженцев устремились на родину. Их встречали как хозяев.

Товарищи, вы сами видите, как здесь помогают беженцам. У нас организованы продовольственные пункты! Наша Нарынская комиссия оказывала помощь населению хлебом, одеждой, рабочим скотом...

---

[1] Семиречье.

В настоящее время часть чуйских беженцев застряла в Ат-Баши. Перед нами в самое ближайшее время стоит большая и ответственная задача: помочь этим беженцам вернуться в свой дом. Насколько я знаю, у нас плохо с продовольствием. Не уверен, сумеем ли мы оказать беженцам серьезную помощь... Считаю необходимым наметить конкретные мероприятия.

— Недавно уездный революционно-исполнительный комитет вынес решение, чтобы богачи Салахутдин и Жусупжан сдали скот и муку,— напомнил Нуркасым. — Неужели это решение до сих пор не выполнено?

— К сожалению, не выполнено,— мрачно ответил Кудайбергенов.

— Почему?

— Говорят, что им самим нечего есть...

— Ох, свиньи! — не выдержал, вмешался в разговор Мусабаев. — И как только у них языки поворачиваются? Чей это скот пасется на пастбищах Кызыл-Беля? Ведь их же! Если им нечем кормиться, почему этот скот не режут на мясо? Насколько мне известно, хлеба у них тоже предостаточно. Надо немедленно сообщить об этом начальнику милиции, пусть займется ими.

— Я уже говорил,— ответил Кудайбергенов.

— Ну, и что же? Какие приняты меры?

— Какие там меры! Он даже и не выслушал как следует. Махнул рукой и ушел.

— Вот как! И это — начальник милиции?! — удивился Мусабаев, обращаясь к Сулайману Орозбекову. — Нужно срочно очистить милицию от чуждых нам элементов, срочно!

— У меня уже есть кое-какие материалы. Я сей-

час их проверяю, на днях о результатах проверки доложу вам.

Собрание вынесло решение расширить работу комиссии по оказанию помощи беженцам. Передать пункт обеспечения продовольствием уездному революционно-исполнительному комитету.

Затем выступили Ибраимов, Сейдакматов и Касымбеков. Все трое недавно вернулись из поездки по волостям, где на торжественных собраниях в честь третьей годовщины Октября выступали перед народом с докладами о революционной деятельности В. И. Ленина, рассказывали о международном значении победы Великой Октябрьской социалистической революции.

— Большое вам спасибо, товарищи! — сказал секретарь. — Вы вносите неоценимый вклад в пропаганду идей Советской власти, в укрепление нашего государства. Теперь нам нужно подготовиться к проведению торжественного собрания здесь, в городе. Где бы нам провести такое торжество?

— Можно в клубе гарнизона,— предложил Орозбеков.

— Очень подходящее место... И клуб там большой,— поддержал Шатов.

— Хорошо, так и сделаем,—сказал секретарь. — Кто доклад подготовит? Может быть, поручим товарищу Жанболотову? Как вы думаете, товарищи?

Никто из присутствующих не возражал.

...Когда народ начал расходиться, начальник гарнизона Копылов обратился к секретарю:

— Хаким Мусабаевич,— затем повернулся к Нуркасыму: — И вы, товарищ Жанболотов, задержитесь, пожалуйста. Вот мы,— кивнул он на стоя-

щего рядом Безымяннова,— с Александром Алексеевичем хотели вам сообщить нечто важное.

— Хорошо,— сказал Мусабаев. Встал и закрыл поплотнее дверь. — Присаживайтесь, товарищи.

Когда все сели, Копылов начал:

— Товарищи, нас беспокоит одно подозрительное дело. Командир батальона пограничных войск Кирьянов недавно выезжал в Ат-Баши — в штаб. А когда возвращался в свой батальон, заезжал в Чеш-Тобе к манапу Казы. Насколько нам стало известно, там он созвал в дом Казы манапов и провел с ними тайное совещание. По слухам, дошедшим до нас, он давно имеет связь с манапами. Говоря откровенно, мы ему и раньше особенно не доверяли. Я как-то уже говорил вам, товарищи, что Кирьянова с батальоном нужно отсюда убрать, перевести подальше от границы.

— Да, я помню, говорили. Об этом мы доложили в свое время и в область, и в Ташкент,— сказал Нуркасым. — Нам сообщили, что из Пишпека в Нарын направлен полк особого назначения. Почему-то полк запаздывает. Нужно срочно связаться с Пишпеком и выяснить, по какой причине вышла задержка. Прибудет полк, тогда можно, пожалуй, и отослать Кирьянова. И основательно все проверить..

* * *

Было около двенадцати часов ночи, когда Нуркасым и Кадыйча вернулись из гарнизонного клуба, где Нуркасым сделал доклад на торжественном собрании, посвященном третьей годовщине Октябрьской революции.

Поужинали и легли спать. Кадыйча скоро уснула, а Нуркасыму что-то не спалось.

Этот праздник был для него огромным событием, итогом прожитого года. Он разбудил в нем воспоминания о встречах, которые были у него во время поездок по аилам уезда. Эти поездки каждый раз приносили Нуркасыму новые впечатления. Он видел, как менялась жизнь людей и как менялись они сами, как потянулись к знаниям, к правде.

Вспоминалась почему-то поездка в один из аилов волости недалеко от Чеш-Тобе. Нуркасым ездил туда агитировать местное население добровольно вступать в ряды Красной Армии.

На зеленой лужайке собрался народ, весь аил — и стар, и мал.

Нуркасым и председатель волревкома Букуш рассказали о международном положении, о том, что от главнокомандующего Туркестанским фронтом М. В. Фрунзе получено указание о привлечении добровольцев из коренного населения к борьбе с внутренними и внешними врагами Советского государства.

— Для того, чтобы победить врага,— сказал в заключение Нуркасым,— нам нужно создать сильную армию. Я приехал к вам по поручению партии и правительства. Я думаю, что все вы понимаете положение, разъяснять долго не надо. Приступим сразу к делу. Кто из вас желает вступить в ряды героической Красной Армии?

— Запишите меня, товарищ председатель! — поднялся молодой человек.

— Ваша фамилия?

— Айтикеев.

— Имя?

— Шераалы.

За Айтикеевым поднялись другие мужчины.

Нуркасым составил список всех добровольцев, назначил день и место сбора в городе Нарыне. И уже начал прощаться — пора ехать в другой аил, как неожиданно его остановил женский голос:

— Здравствуйте, агай [1].

Нуркасым обернулся и увидел молодую красивую женщину. Но не сразу узнал ее. «Уж не Бурулча ли это? — подумал Нуркасым. Посмотрел внимательно: — Ну да, она!..»

...В прошлом году, осенью, в аилах Эсенгулской волости Нуркасым читал лекции о равноправии женщин. В одном из аилов пришлось заночевать. После ужина хозяин дома Солтобай рассказал ему о судьбе молодой девушки, живущей в этом аиле.

Бурулче едва исполнилось десять лет, когда в их дом пришли сваты. Сосед Кожомкул сватал ее за своего сына, которому не было и тринадцати. Родителям невесты прислали калым, и судьба Бурулчи с того дня была решена. Но когда пришла пора сыграть свадьбу, неожиданно тяжело заболел жених. Врачей в то время в аилах не было. Кожомкул пригласил знахарей, каждый предлагал свои снадобья: один говорил, что нужно выгнать жар и в течение недели поить мальчика только водой, другой советовал кормить мясом молодого барашка и поить кумысом. Все эти предложения выполнялись, но только больному от того не стало лучше.

Жених Бурулчи, проболев почти два года, умер.

---

[1] Агай — почтительное обращение к старшему по возрасту мужчине.

По обычаю, коль свадьба не состоялась, родители Бурулчи должны возвратить калым. Но где ж взять теперь скот, чтобы возвратить его Кожомкулу? Алыбек не сумел сберечь скот, слишком много было долгов — вот и ушло почти все стадо в уплату.

Выход нашел сам Кожомкул, предложив отцу Бурулчи отдать ее за его младшего сына, которому в то время едва исполнилось пять лет.

И вот уже два года жила Бурулча в доме Кожомкула как жена его пятилетнего сына...

Нуркасым выслушал эту печальную историю и сказал Солтобаю:

— Аксакал, завтра же пригласите обоих сватов сюда к вам. Пускай приведут Бурулчу и её «мужа». Я хочу с ними поговорить. Обязательно надо спасти эту девушку и мальчика.

Солтобай, не откладывая на завтра, еще с вечера послал человека, предупредил сватов.

На другой день, к полудню, все приглашенные собрались в доме Солтобая. Бурулчу и «мужа» отвели в соседнюю юрту.

— Вы, конечно, знаете,— сказал Нуркасым сватам,— что белый царь свергнут с престола и что у нас теперь установилась Советская власть?

— Ну как же, знаем! — в один голос ответили Кожомкул и Алымбек.

— Так, знаете? — снова переспросил Нуркасым. — А знаете ли вы закон о равноправии женщин? Не знаете? Ну, так вот: кто нарушает этот закон, тот несет судебную ответственность. Я слыхал, что вы, почтенные аксакалы, нарушили этот закон. Вы насильно поженили двух людей, которые не подходят друг другу даже по возрасту — ребенка и девушку.

Как по вашему, это ли не нарушение закона? Вас будут судить. Я хотел вас обоих об этом предупредить. Судить революционным судом народа.

— Не допускайте этого, защитите нас, смилуйтесь,— слезно начали просить сваты. — Мы по глупости своей, по неведению...

— Ну, хорошо! Коли так, то девушку, Кожомкул, немедленно отпусти к родителям. А что касается калыма, то, ты знаешь — обе стороны несут одинаковую ответственность: судят и того, кто дает, и того, кто берет. Поняли?

— Поняли, поняли!

— Ну, тогда не мешкайте, исправляйте ошибку! — строго сказал Нуркасым.

Старики поспешили выйти.

Пригласили Бурулчу. Девушка чувствовала себя неловко, прятала глаза в платок, низко наклонив голову.

— Мне все известно,— обратился к ней Нуркасым. — И все же, мне бы хотелось услышать обо всем лично от вас. Не стесняйтесь, говорите все. Как вам живется в этой семье? Как «муж», не обижает? — улыбнулся Нуркасым и тут же испугался: как бы не обиделась девушка на такую шутку.

— ...Что мне делать, агай, приходится все терпеть,— тяжело вздохнула Бурулча. — Он же еще ребенок, ему бы только играть... Если свои игрушки потеряет, мучает меня, плачет до тех пор, пока не найду. Не жена я ему вовсе, а нянька... Раздеваю, одеваю его, укладываю спать. Бывает, до того избегается, что его и до ночи не найдешь в степи. А то с ребятами в другой аил убежит. Тогда свекровь напускается на меня: «Бурулча! Ай, Бурулча! Мужа-

то твоего не видать. Как бы его собаки не покусали. Разыщи и приведи домой».

Надо мной иной раз даже молодухи смеются: «Кого ищешь, Бурулча? Мужа, что ли?» — «Нет, она сына ищет»... Не жизнь, а каторга. Иногда думала: уж чем так жить, лучше умереть...— сказала Бурулча и расплакалась.

— Успокойся, сестренка,— утешал Нуркасым, хотя сам разволновался не меньше. — Советская власть несет всем свободу и равенство, отныне ты будешь свободна и, я надеюсь, счастлива...

Когда Бурулча ушла, Нуркасым пригласил мальчика с матерью и жену Алымбека.

Мужем оказался мальчик лет семи-восьми. Когда он увидел незнакомых людей, растерялся, крепко ухватился за подол матери.

— Скажи, мальчик, кем приходится тебе Бурулча?

Мальчику, по-видимому, уже не раз задавали этот вопрос. И потому он сразу же сообразил, о чем пойдет речь:

— Нет, нет! Она мне не жена... Я не хочу жениться! — почти прокричал он и заплакал: — Не хочу-у...

— Как вы могли такое позволить?! Неужели у вас нет сердца, неужели вам не жаль детей? — воскликнул Нуркасым. — Какая несправедливость! Это же преступление, черт возьми!..

Нуркасым встал, прошелся по комнате, нервно потирая руки и повторяя одно и то же:

— Как можно! Какая дикость... Как можно!..

Нуркасым снова сел, залпом выпил пиалу уже остывшего чая и обратился к женщинам:

— Я уже сказал мужчинам. Повторяю для вас и прошу хорошенько запомнить: отныне дети свободны. Помните об этом! Ослушаетесь — будем судить...

* * *

...Скоро Нуркасым вернулся в Нарын, но о Бурулче и мальчике не забывал.

И вот — неожиданная встреча. Ведь недаром в народе говорят: «Гора с горой не сходится, а человек с человеком встречается».

Нуркасым был рад этой встрече. Расспросил Бурулчу, как ей живется. Оказалось, что она действительно стала свободной и уже вышла замуж за своего сверстника.

— Где же муж? Я бы хотел с ним познакомиться...

— Он здесь...

И показала на парня, который стоял чуть поодаль от нее и улыбался.

Нуркасым внимательно посмотрел на парня и узнал в нем того самого добровольца, который первым записался в ряды Красной Армии.

— Как живется, Шераалы? — весело спросил Нуркасым, крепко пожимая его руку.

— Неплохо, товарищ председатель. Вот, женился...— сказал, широко улыбаясь, Шераалы. — Вступил в комсомол, ну и, сами знаете, записался в нашу Красную Армию, пойду защищать Советскую власть и вот ее,— Шераалы положил руку Бурулче на плечо. — А женой я доволен, она у меня умница, работает в женотделе инструктором...

окружили город. Вооруженному до зубов врагу охранный гарнизон, состоявший из одного батальона, не смог оказать должного сопротивления. Батальон был смят стремительным натиском и скоро пленен. Пленных Кирьянов отправил на запад, в местечко Жанбулак.

На стороне мятежников оказалось не так уж мало сил. Особое усердие в организации мятежных банд проявили местное духовенство, баи и манапы во главе с манапом Казы. Затаившись, как хищный зверь, посулами, обманом и страхом заранее сколачивал он мятежные банды из отсталой части коренного населения.

Кулаки, баи и манапы, торговцы, духовенство тайно и явно поддерживали Кирьянова, всячески помогали ему. Объединившись с мятежниками, они создали несколько групп, обыскали весь город, дома и квартиры. Многих расстреляли на месте. В том числе и председателя ЧК товарища Орозбекова.

Около тридцати ответственных партийных и советских работников кирьяновцы заключили в городскую тюрьму.

Если бы не Кадыйча, печальная участь постигла бы и Нуркасыма.

* * *

Нуркасым, крадучись, шел по ночным улицам растревоженного города в сторону крепости.

Неподалеку послышались голоса. Нуркасым остановился, прислушался. Потом осторожно повернул направо. Снова прислушался и тотчас прилег к земле у забора — голоса послышались совсем рядом.

— Нужно поскорее выбить большевиков. Быстрее в крепость! Поторапливайтесь!..

«Промахнулись! — вырвалось у Нуркасыма. — Как я ошибался, мне всегда казалось, что Демченко настоящий большевик. Кто бы мог подумать, что это волк в овечьей шкуре?! Неужели и Безымяннов с ними?..»

Наконец голоса затихли. Нуркасым встал и направился в западную часть города — туда, где жил Мусабаев. «Знает ли Мусабаев, что происходит в городе? — подумал Нуркасым. — Нужно срочно его предупредить».

Нуркасым шел осторожно, но быстро, прислушиваясь к каждому шороху. Спустя несколько минут его обогнала группа всадников.

«Не те ли это прохвосты, которые приходили за мной»,— подумал он. И прибавил шагу, потом побежал, стараясь не терять их из виду. Действительно, всадники направлялись к дому Мусабаева.

Когда подъехали, один из них, не слезая с коня, сильно заколотил ногой в ворота.

— Кто там? — раздался голос Мусабаева.

— Мы! Открой ворота! — ответил злой голос.

Когда ворота открылись, грянул выстрел. Заголосили женщины...

«Неужели налет андижанских басмачей? — подумал Нуркасым. — Если так, то почему гарнизонный батальон не выступает. Неужели и гарнизон заодно с ними?.. А не Кирьянов ли затеял все это?»

Скоро рассвет. На улицах слышен лай собак, конский топот, людские крики...

«Нужно скрыться, пока не поздно», — решил Нуркасым.

Светало. По улицам то и дело мчались во весь опор вооруженные всадники, куда-то озабоченно спешили испуганные пешеходы.

Вдруг Нуркасым увидел впереди человека, уходившего в горы.

«Надо идти за ним,— подумал Нуркасым. — Наверно, кто-нибудь из наших». И, чуть пригнувшись, торопливо пошел следом за неизвестным человеком. Но едва Нуркасым вышел на открытое место, как в ту же минуту оказался в окружении вооруженных всадников.

— А-а, большевистский прихвостень! — крикнул один из бандитов, замахиваясь камчой.

Нуркасым поднял голову и узнал в нем начальника милиции Нестерова. С ним рядом были его джигиты. В одном из них Нуркасым признал милиционера по имени Кожобек, которого встречал по пути в Ат-Баши.

— Сбежать хотел, гад! Ну теперь тебе крышка! Получишь свое по заслугам. Пошел, собака!..

— Подлецы! — вырвалось у Нуркасыма. — Было бы не так обидно, если бы не свои были. Предатели!..

— Он еще лается, шелудивый пес! — выругался Нестеров и сильно хлестнул камчой по голове. Нуркасым сморщился от боли.

— Что стоите, как ослы? Немедленно вяжите его! — злобно заорал Нестеров.

Первым соскочил с коня Кожобек, за ним слезли и другие джигиты. Тонким волосяным арканом скрутили Нуркасыму руки.

— Что с ним делать? — спросил Кожобек. — Может, хлопнем?..

— Успеешь! Отправь его немедленно в крепость! А мне не упустить бы вон того негодяя,— сказал Нестеров. И помчался догонять человека, уходящего в горы.

* * *

Нуркасыма вели по знакомым улицам.

По всему было видно: город в тревоге, случилась беда.

Когда подошли к крепости, навстречу выехал всадник — шапка набекрень, за спиной винтовка. Талию облегал кожаный пояс с патронами. Нуркасым узнал в нем работника почты, телеграфиста Кензина. Вспомнил: на очередном собрании областного исполнительного комитета по отчету Кензина работу признали неудовлетворительной, дали ему строгий выговор.

— Попался! — сердито закричал Кензин. — Что же ты молчишь? Может, снова объявишь мне выговор? Хотя нет уж, отвоевался! На сей раз не выговором, а приговором пахнет!

Он повернулся к людям, которые привели Нуркасыма и закричал:

— Ну чего вы с ним возитесь! Пулю ему в лоб и баста!

— Я бы его давно расстрелял, да начальник приказал доставить живым,— с досадой в голосе сказал Кожобек.

— Ладно, ведите. Еще успеем его расстрелять!— смирился Кензин, вытянул коня камчой и поскакал прочь.

«Промахнулись! Как мы ошиблись, доверяя та-

ким вот, как Кензин,— с глубокой болью в душе повторял Нуркасым. — Если бы знал, что он такой подлец! Ах, если бы я только знал...»

В крепости Нуркасыма бросили в тюрьму.

Тюрьма была переполнена. Среди арестованных многие были ему знакомы. Здесь сослуживцы, работники уездного городского партийного комитета — главным образом русские, украинцы...

Нуркасым увидел командира батальона Безымяннова и политкомиссара караульной роты Шатова. Подошел к ним.

— Очень сожалею, товарищи, что я сегодня плохо подумал о вас: тоже подозревал,— сказал Нуркасым. — Думал, что и вы с ними заодно.

— Подозревали? Почему? — удивился Безымянов.

— Вот как?..— грустно улыбнулся Шатов.

Когда Нуркасым рассказал им обо всем, что пришлось ему пережить минувшей ночью, стало понятно, почему у него возникло подозрение.

— Мятеж. Это дело рук Кирьянова и местных богатеев вроде манапа Казы,— сказал Безымянов. — Я ведь предупреждал...

— Да, проглядели мы,— согласился Нуркасым.

— Вчера, после торжественного собрания,— рассказывал Безымяннов,— обошел я часовых, проверил все посты и только лег спать, слышу пулеметные и винтовочные выстрелы. «Что случилось?» — думаю. А сам никак не могу понять, откуда стреляют. Похоже, что отовсюду.

Вскочил, звоню на посты. На звонки никто не отвечает. Думаю, может, телефон не работает. Хочу выйти во двор, а, оказывается, кто-то дверь запер

снаружи. Подбежал к окну, вижу — казарму окружили какие-то всадники. Дал по ним несколько выстрелов из револьвера. Всадники поначалу, как овцы в волчьей стае, испугались и врассыпную. Но потом очухались. Поняли, что стреляет один. И давай орать: «Выходи, Безымян, выходи!» Орут, угрожают. Стрелял я, покуда были патроны. А потом они ворвались в дом. Увидел Демченко — не поверил своим глазам! Когда предает свой — это страшнее, чем нападение врага. Демченко не только сам предал, но и свою роту подбил перейти на сторону мятежников. Обезоружили караульных, объединились с батальоном Кирьянова, а потом и крепость окружили, и казарму...

* * *

На следующий день Кирьянов созвал главарей мятежных банд в штаб гарнизона и провел с ними совещание.

Явились и командир караульной роты Павел Демченко, и начальник милиции Нестеров, и главарь контрабандистов, торговавших опиумом, Бондарев, и зверопромышленник Неживых, и телеграфист Кензин, и купец Абдрахман, и прочее отребье.

Кирьянов встал, внимательно оглядел сидящих.

— Господа! — обратился он к собравшимся и горделиво вскинул голову. — Таким образом, Нарын в наших руках. Мы разгромили Советскую власть, которая просуществовала здесь три года. Кое-кто из большевиков убит, остальные сидят в тюрьме. Выходит, что к торжеству готовились большевики, а праздновать будем мы с вами, кхе-хе-хе,— надменно хохотнул Кирьянов.

— Пускай празднует в тюрьме!— злорадно выкрикнул Демченко. —Господа, удивительное дело! Как удалось председателю уездного исполнительного комитета Жанболотову избежать ареста у себя на квартире? Надо было на месте прикончить его!

— Не спеши! — недовольный тем, что его перебили, осадил Кирьянов. — Он в наших руках. Когда пожелаем, тогда и казним.

Кирьянов снова обратился к собравшимся:

— Господа! Мы должны установить в Нарыне свою власть.

— Непременно! — взвизгнул Нестеров.

— И скорее! — поддержали его другие.

— Какой у вас план?

— Я думаю так,— начал Кирьянов,— командовать войсками буду я. Как вы смотрите на это, господа? — обратился он к сидящим тоном, не допускающим возражений.

— Мы согласны.

— Оч-чень хорошо!

— И мы такого же мнения!

— Спасибо, господа, за доверие! — продолжал Кирьянов. — Теперь нужно подумать о других назначениях. Считаю, что мы не ошибемся, если начальником земельного управления назначим господина Бондарева. Человек он здешний. Население уезда ему хорошо знакомо. Он в тесном контакте с местными хозяевами. Думаю, что ему можно доверить эту должность. Кузьма Архипович, как вы сами на это смотрите? — обратился Кирьянов к Бондареву.

— Что я могу сказать? Большое спасибо за высокое доверие, господа, дай бог вам всем здоровья! Я постараюсь оправдать ваше доверие. Но...— сказал

он после минутной паузы,— как-никак большевики здесь три года хозяйничали, они пустили здесь свои корни, нужно срочно уничтожить их. В этом я всецело рассчитываю на вас, господин Кирьянов и на вас, господа,— сказал он, обернувшись к Нестерову и Демченко. — Как вы сами знаете, тюрьма переполнена. А куда поместить остальных? Выход, считаю, один: кой-кого нужно немедленно расстрелять. Повторяю: это нужно сделать прежде всего,— закончил свое выступление Бондарев и сел.

— В нашей поддержке можете не сомневаться, Кузьма Архипович,— продолжал Кирьянов. — Мы должны выступать на Токмак. Казарму освободим. Займете ее под тюрьму, с большевиками не церемоньтесь, пересажайте всех. Если надо — судите и расстреливайте.

— Благодарю вас, господин Кирьянов! — в горделивом почтении преклонил голову Бондарев. — Нужно срочно распространить весть о том, что Советская власть свергнута, что восстановлены прежние порядки, что разрешена торговля, всем, арестованным большевиками возвращена свобода. Я организую людей, преданных мне, они позаботятся, чтобы прежних волостных управителей Казы, Кулчуна и Эсенгула с почетом восстановили в прежних должностях. С помощью этих людей мы составим список большевиков и примем все меры, чтобы в скором времени очистить уезд от большевистской скверны,— продолжал Бондарев.

— Преклоняюсь перед вашим умом,— льстиво обронил Кирьянов.

Бондарев воодушевился:

— Уважаемые люди уезда, о которых я говорил,

сами с большой радостью призовут большевиков к ответу. В этом можете не сомневаться. Видите, как дела оборачиваются! Рановато возрадовались большевики.

— Еще раз большое спасибо вам, Кузьма Архипыч,— поблагодарил его Кирьянов.— Я вижу, что мы не ошиблись, знали, кому доверить столь ответственный пост.

Бондарев растроганно приложил руку к сердцу и поклонился.

После распределения должностей снова взял слово Кирьянов.

— Господа,— сказал Кирьянов, оглядывая сидящих. — Теперь нужно подумать и о предстоящих делах, о том, как их успешнее осуществить. Перед нами стоит большая и сложная задача: нужно свергнуть Советскую власть в Туркестане повсеместно и окончательно разгромить большевиков. Часть этой задачи нами решена успешно: Нарын — наш! Дальше мы должны освободить города Токмак и Пишпек. Там тоже есть наши люди. Они помогут нам. Летом этого года, будучи там, я говорил с самыми надежными из них о наших задачах на ближайшее будущее. Как только мы выступим, они тотчас присоединятся к нам...

Кирьянов многозначительно посмотрел на Бондарева и продолжал:

— Мы уже послали туда людей, которые должны предупредить друзей о времени нашего вступления в города Токмак и Пишпек. Думаю, что они уже там. И теперь ждут только нашего выступления.

Таким образом, господа, мы освободим от большевиков города Токмак, Пишпек, а затем выступим

на Ташкент. Дальше, когда освободим Ташкент, в Ферганской долине к нам присоединятся басмачи. Наши английские союзники помогут нам вооружением, и мы очистим весь Туркестан от Советов...

Вот какие ответственные задачи стоят перед нами, господа.

— Правильно говорите, правильно! — поддержали Кирьянова голоса.

— Только бы наши планы осуществились,— завопили в зале,— мы тогда покажем, кто мы!..

— Обязательно осуществятся, господа! — заверил их Кирьянов. — Во имя этого мы и начали здесь, в Нарыне, нашу борьбу.

Затем снова обратился к Бондареву:

— Кузьма Архипыч, чуть не забыл. По моим данным, Анненков и Дутов сейчас в Кульдже. Нужно их срочно уведомить, чтобы они тоже были в курсе здешних событий. Чтобы и они были наготове...

* * *

Кадыйча не сразу впустила мятежников в дом и тем спасла Нуркасыма от верной смерти. С той минуты она его больше не видела.

«Что с ним? Сумел ли он уйти от врагов? А если нет... о, горе мне...» — рыдала она.

На утро после этой страшной ночи Кадыйча от соседей узнала о том, что Мусабаева и Орозбекова расстреляли мятежники.

«А если и Нуркасым попал к ним... Господи, помоги ему!..» — не находила себе места Кадыйча. И решила: «Будь что будет. Нужно сходить в крепость. Вдруг он уже там...»

* * *

У крепостных ворот Кадыйча увидела толпу женщин разных национальностей: здесь были русские, татарки, киргизки... Многие из них были с детьми. Почти у каждой в руках узелки, сумки с продуктами для своих близких. Здесь была и жена Сейдакматова —Асылкан с двумя малолетними сыновьями.

— Ах, милая,— обратилась она к Кадыйче,— я видела сегодня рано утром, как привели сюда и твоего Нуркасыма.

— Сестра, неужели это правда?! Значит, и моего Нуркасыма посадили в тюрьму?..— едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться, переспросила она. — О, господи, что же теперь будет?..

В это время постовой в темно-синей шинели прикладом винтовки ударил в ворота крепости и закричал:

— Уходите, сегодня не приемный день! Живо уходите! Ну!!

Кадыйча подошла к нему поближе и спросила:

— Скажите, пожалуйста, нет ли у вас в списках Нуркасыма Жанболотова?

— Я ничего не знаю, уходи отсюда! — орал постовой.

Женщины, так и не узнав ничего о судьбах своих близких, стали медленно расходиться по домам.

Наступила ночь. В городе тишина. Тревожная, зыбкая...

Кадыйча, не зажигая света, одиноко сидела у окна.

«Что делать? Как спасти Нуркасыма? Лишь бы он был жив. Завтра опять пойду в крепость,—реши-

ла Кадыйча. — Возможно, мне посчастливится — увижу, поговорю с ним. Но что понести ему из еды? Магазины не работают. На базаре торговля временно запрещена. Может, соседи продадут мне мяса? А если нет? Наверное, не каждый сосед осмелится в такое опасное время продать жене большевика мясо... Нет, это рискованно, нельзя подводить людей. Нужно найти какой-то другой выход».

* * *

Холодно. Земля покрыта белым пушистым снегом. Река Нарын еще не подернулась ледком и буйно катит свои воды. Над рекой поднимается пар, и оттого вода в реке кажется серой, и все вокруг сливается с серым в тумане небом.

Кадыйча решительно шагала к крепости. Там уже собрались вчерашние ее знакомые с узелками-передачами для своих близких. Она тоже присоединилась к ним, стала в очередь.

Кадыйча то и дело трогает крышку кастрюли: «Не остыл ли обед, примут ли передачу, увижусь ли с Нуркасымом?..» — думает она, тревожно озираясь по сторонам.

И вот, наконец, открылись ворота, показалось несколько солдат. Один из них, усатый и грозный, видать, из старших, глазами хищника посмотрел на пришедших, потом на бумагу, которую держал в руке, и начал выкрикивать фамилии арестованных.

Женщины одна за другой тут же откликались и поспешно передавали свои узелки солдатам-охранникам.

Фамилию Нуркасыма усатый не назвал.

«Что бы это значило? Почему его не называют? Может, не поймали? А если Нуркасым в крепости, почему его нет в списке?»

Кадыйча решилась подойти поближе.

— Почему не назвали фамилию моего мужа? — спросила она.

— Имя, фамилия?

— Нуркасым Жанболотов.

Усатый еще раз просмотрел лист бумаги.

— Да. Есть такой.

— Я принесла ему передачу.

— Я называл только тех арестованных, кому разрешено получать передачи. Жанболотову передача запрещена.

— Почему?

— Как особо опасному преступнику. Ему на этом свете можно и не кушать. А на том свете его накормят досыта, кхе-хе-

же, — злобно захохотал усатый.

— Это бесчеловечно... За что? Зачем вы так? Не имеете права!..

— Чего?! Закрой рот! — От злости у усатого побагровели уши. Он подскочил, выхватил у Кадыйчи кастрюлю с обедом и выплеснул содержимое на снег.

— Чем отдать такому безбожнику, как твой муж, пусть лучше съедят собаки. Уходи отсюда немедленно! Вон!..

Кадыйча разрыдалась, всплеснула руками и крикнула:

— Проклятье вам! Проклятье!.. Палачи!.. Не люди вы, не люди!..

Стражник размахнулся и прикладом ударил Кадыйчу:

— Вон отсюда! Вон, пока не поздно! А не то и тебя посажу.

Женщины обступили Кадыйчу, помогли ей подняться, отряхнули с нее снег:

— Горемычная ты наша, уходи отсюда поскорей, уходи от этих зверей, уходи...

Кадыйча закрыла лицо руками и, не разбирая дороги, побрела прочь от крепостных ворот.

* * *

В тюрьму Ат-Баши заключили группу активистов и коммунистов. Среди них председатель волревкома Шаркыратмы Исак Шаибеков, председатель волревкома Чеш-Тобе Букуш. Арестовали их по указке манапов Казы и Кулчуна.

Казы при царе был в течение семнадцати лет волостным управителем. А Кулчун — славился своим богатством. Когда они получили известие от Бондарева о том, что восстановлены в прежних должностях волостных управителей, оба не могли скрыть свою радость.

— Эй, народ!.. Бог помог нам. Советы свергнуты, прежняя власть восстановлена! Вот радость-то какая! Давайте оберегать нашу власть. Записывайтесь в армию,— уговаривали они.

— Хотите, записывайтесь сами!

— Ваша власть, вы ее и охраняйте!

— Совести нет у этих подлецов,— возмущались люди.

— Когда нам было хорошо при царе? Чем идти против Советской власти — лучше умереть...

Как манапы ни старались, в мятежную армию народ не пошел.

Эти радостные вести доходили до коммунистов, томившихся в тюрьмах.

— Народ мой никогда не подведет,— говорил Исак.

Букуш не скрывал своего торжества:

— Народ сам понимает, на чьей стороне правда. Если он пойдет против Советской власти,— значит, он пойдет против себя. Люди в этом стали разбираться. Когда меня сюда вели, мятежники хвастались, что вот, мол, они уже захватили города Токмак и Пишпек. Теперь осталось только взять Ташкент, и тогда — конец Советам. Как можно этому верить? Чепуха какая-то! Что они могут добиться одни, без народа?..

В это время с улицы послышался жалобный старческий голос:

— Милые, пустите нас в крепость, нам бы только взглянуть на наших сыновей.

— Кого именно ты хотел бы увидеть, старик? — спросил надзиратель.

— Исака Шаибекова. Волостного Шаркыратмы.

— «Волостного»? И ты, безумный, осмелился назвать его волостным?! — возмутился надзиратель.— Какой он теперь волостной? Разве арестант может быть волостным?

— Пусть будет по-твоему, сынок, только разреши нам со старухой взглянуть на него,— умолял старик. — Иль хоть передачу возьми для него.

— Покажи, что принес?

— Манты. На базаре купили готовые.

Когда надзиратель увидел горячие манты, у него глаза загорелись.

— Здесь для одного человека слишком много, по-

ловину отдашь нам,— не то предложил, не то приказал он.

— Пожалуйста. Берите сколько вам нужно,— с трудом выговорил старик. — Только сыну хоть чуть-чуть передайте...

Заключенные слышали этот разговор и никак не могли узнать, кто же он, этот старик. Узнали, когда надзиратели впустили его в комнату свиданий. Это был старик Курман, из беженцев. Он только недавно вернулся в свой родной Ат-Баши. С Курманом была и его старуха. Оба пришли к Исаку Шаибекову, который помог им из фонда помощи беженцам продуктами и верховых лошадей дал, чтобы старики могли добраться до Ат-Баши.

— Сынок,— тепло обратился к Шаибекову старик Курман, когда стражник, наконец, разрешил свидание. — За что тебя посадили? В чем твоя вина? Не в том ли, что своему народу, который столько выстрадал, ты помогал всем, чем мог? Что делают эти люди, за что они схватили тебя? Нам трудно понять, сынок. Народ только недавно стал свободен, и опять беда пришла в наш аил... И что они делают? Сколько нам еще страдать?..

— Ничего, отец, это временно,— Исак старался успокоить старика. — Как живете? Как себя чувствуете, отец?

— Спасибо, спасибо. О нас не беспокойся, сынок. Мы как-нибудь потерпим. Вам сейчас труднее.

За несколько дней до праздника к нам приезжал человек по имени Исамуддин. Говорил, что после Октябрьских торжеств помогут желающим перебраться в Чуйскую долину. Не представляешь, сынок, как мы обрадовались... А теперь нам трудно по-

нять, что происходит... Боимся, как бы снова не пришлось уходить, как тогда, в шестнадцатом...

— Да, сынок,— вмешалась в разговор старуха.— Нам сказали, что конец Советской власти, что большевики все сидят по тюрьмам, что их скоро всех расстреляют... Что с нами будет, сынок, если не станет власти, которая сделала нам столько добра, так помогла нам в трудное время? — с трудом выговорила старуха и, не сдержав подступивших слез, закрыла лицо руками.

— Не верьте этим сплетням. Рано торжествуют враги Советской власти,— успокаивал их Исак. — Никто и никогда не сможет уничтожить народную власть. Тот, кто попытается это сделать, сам погибнет. У Советской власти глубокие корни, сейчас это мощная сила, потому что поддерживают ее такие верные Советам люди, как вы. Бандитов — жалкая кучка. Вы сами скоро увидите, как их разобьют в пух и прах. А таких бедняков, как вы, Советская власть в беде не оставит. Недолго осталось нам терпеть, вот увидите...

— Дай бог тебе счастья, сынок,— благодарили старики Исака Шаибекова.

* * *

Когда полк Особого назначения прибыл в Рыбачье, его тремя эшелонами тут же отправили дальше, к Нарыну.

Первый эшелон, где была кухня и разведчики, ушел раньше других. Через день под командованием Тегина — второй. Командиром третьего был назначен Чичасов.

Перед выходом третьего неожиданно вернулся в Рыбачье Тегин. Оказалось, что первый эшелон благополучно миновал село Кочкор, дальше — перевал Долон, а на подходе к местечку Кара-Унгур мятежники перерезали путь.

Красные, отстреливаясь, отошли сначала в Кочкор, а затем к Орто-Токою. К этому времени подошел и второй эшелон.

В Рыбачьем Тегин и Чичасов снова встретились.

— Срочно свяжите нас с Нарыном,— обратился Чичасов к телеграфистке.

— Кто у аппарата? — спросил Чичасов.

— Телеграфист Кензин.

— Что происходит в Нарыне?

— О-о! Могу порадовать: в Нарыне Советам конец, установили старый порядок, теперь власть в наших руках,— ответил Кензин.

— Где местные ответственные работники? Что с ними?

Чичасов не хотел верить словам Кензина. И начал перечислять фамилии ответственных работников:

— Где Мусабаев, Жанболотов, Котляров, Безымянных?.. Что с этими товарищами? Где они? Живы?

— Повторяю: они расстреляны. Что переспрашиваешь, зачем тебе эти собаки, чем ты можешь им помочь?! Отнимаешь только у меня дорогое время,— сказал Кензин и бросил трубку.

* * *

О Нарынском мятеже, о том, что все ответственные работники расстреляны, Тегин и Чичасов сооб-

щили в Верный, Пишпек и Токмак. И просили срочно отозвать им в помощь Туркменский кавалерийский полк, находившийся в Токмаке.

Печальное известие о нарынском мятеже и о расстрелах коммунистов напечатала и газета «Жети-Суйская правда».

* * *

Командир Туркменского кавалерийского полка Санжаров только что вернулся из штаба в общежитие и, не раздеваясь, прилег отдохнуть. Но заснуть так и не смог. Вспоминал, как со своим полком воевал на фронтах у Копала и Жаркента, как одержали победу над белыми и гнали их до самой китайской границы. Как потом с победой пришли в Верный и Токмак. Но и сейчас в этих городах тревожно. А впереди предстоит дальняя дорога в Ферганскую долину на борьбу с басмачеством.

Санжаров только задремал — к нему постучали.

— Заходите!

Вошел военком полка Смирнов.

— Товарищ командир,— с порога начал Смирнов. — Получен приказ срочно отбыть в Нарын.

— Как же так? Ведь мы вот-вот должны ехать в Ферганy?!

— В Нарыне мятеж. Контрреволюционеры подняли восстание против Советской власти. Вот телеграмма из Верного.

Санжаров пробежал глазами телеграмму. Для подавления мятежа Туркменский полк срочно направляли в расположение полка Особого назначения в Рыбачье.

— Выходит, полк Особого назначения в Нарын не прибыл.

— Да, к сожалению, опоздал. Полк сейчас в Рыбачьем.

Через час Туркменский полк спешно выступил в путь. К вечеру он уже был в Токмаке, а на утро — на почтовой станции Байдамтал, здесь его ждали два бойца из полка Особого назначения. Они передали Санжарову новый приказ: не пропустить мятежников к перевалу Кубакы.

Санжаров выделил из полка отряд и направил его к перевалу, а с остальными добрался до Рыбачьего и там присоединился к полку Особого назначения, чтобы выступить на Нарын.

* * *

В тюрьме девять камер. И все переполнены арестованными.

Нуркасыма сначала заключили в общую камеру. Но когда тюремное начальство узнало о том, что Нуркасым и в тюрьме не прекращает агитировать против мятежников, его перевели в одиночную.

Теперь Нуркасым сидел один. Не с кем поделиться тяжелыми думами...

Дверь камеры неожиданно отворилась — вошел Коломейцев с вооруженными солдатами.

Нуркасым знал его давно. До мятежа Коломейцев работал в одной из торговых организаций города.

— Нуркасым,— обратился он к Жанболотову высокомерно. — В город приехали манапы Казы, Эсенгул, Кулчун и просят выдать тебя им в руки,

они сами хотят казнить тебя. Как тебе нравится это? Что скажешь?

Нуркасым молчал.

— Почему не отвечаешь? Ну, говори: выдать тебя манапам или нет? Отвечай же! Начальство решило пока не выдавать тебя им. Как видишь, мы не такие кровопийцы и звери, как ты о нас думаешь. Хотя вполне могли бы и не церемониться с тобой: ты не заслужил высокого уважения к себе.

Нуркасым отвернулся.

Коломейцев постоял несколько минут и, резко хлопнув дверью, ушел.

В других камерах он стращал коммунистов тем же, но никто его не слушал, запугать ему не удалось никого.

Дня через три Коломейцев снова пришел в камеру к Нуркасыму.

— Нуркасым,— сказал он, показывая телеграфный бланк. — Здесь сводка военных данных. Сегодня получили из Москвы. И в Москве свергнута Советская власть, всюду восстановлены прежние порядки. Петроградцы тоже присоединились. Вот такто... Радостные события происходят в России,— сказал Коломейцев совсем нерадостно. — Теперь тебе нет смысла сидеть здесь. Присоединяйся к нам, Нуркасым. Будем вместе делать одно общее дело.

— Что ты мелешь? Какое у нас с тобой может быть общее дело: кто поверит в твою ложь? Убирайся вон, предатель!..

— Ах, так! Тебе добра желают, а ты!..

— Плевать мне на твою милость. Еще раз повторяю — убирайся! Если не уйдешь, своими руками задушу. Во-он!

— Ты чего, ты чего? — Коломейцев попятился к двери, поспешно отворяя её. — Хорошо, я уйду, но запомни: ты за это дорого заплатишь,— истерично выкрикнул Коломейцев, запихивая в карман телеграфный бланк. — Ты еще пожалеешь!..

Коломейцев обошел со своей «сводкой» все камеры и везде говорил одно и то же. Этот трюк успеха ему не принес. И в камере Нуркасыма он больше не появлялся.

Как потом выяснилось, агитацию «сводками» затеял телеграфист Кензин. Он же и стряпал эти «сводки» по своему разумению.

* * *

Утром следующего дня дверь в камеру резко открылась и на пороге появились трое. Это были городские купцы. С ними пришел заместитель начальника милиции Абдували.

Абдували был сыном крупного нарынского купца-торговца. Любил повторять о себе одно и то же: «Вот в народе говорят, Манас происходил из ногоев. И я ногой. У Манаса было сорок джигитов — и у меня их сорок».

И действительно — всюду водил за собой молодых парней-милиционеров, ночевал с ними, где вздумается, обходил квартиры горожан, когда ему хотелось, и брал то, что нравилось. В аилах его боялись не меньше, чем басмачей.

— Пошли, бог большевиков! — сказал Абдували Нуркасыму.

Нуркасыма вывели на улицу.

Земля одета белым покрывалом — резкая боль

слепит глаза. Солнечно и морозно. Под ногами скрипит снег.

Нуркасыма привели в канцелярию бывшего уездного революционного исполнительного комитета — теперь здесь «земуправление» мятежников.

В кабинете Нуркасыма сидел Бондарев. Это он вызвал на допрос Нуркасыма.

Бондарев не спешил с допросом.

Нуркасыма сначала посадили в передней, потом пригласили в кабинет. Бондарев вполголоса советовался о чем-то с человеком, который сидел тут же, возле него. Нуркасым узнал в нем бухгалтера по оказанию помощи беженцам Васильева.

«Предатель! — горько подумал Нуркасым. — Если бы знал заранее, что ты подлец, да разве я допустил бы тебя к такой ответственной работе!..»

Прошло несколько часов. Но Бондарев и Васильев не торопились допрашивать его. По всей вероятности, они кого-то дожидались, то и дело выглядывали в окно. Наконец, они решили позабавиться.

— Скажи, пожалуйста, сколько было денег в кассе комитета по оказанию помощи беженцам? — обратился к Нуркасыму Васильев.

— Бухгалтером комитета был ты,— ответил ему Нуркасым. — Разве забыл об этом? Сколько денег в кассе — тебе должно быть известно не хуже, чем мне. Спрашивать об этом у меня, думаю, нет надобности. Вон, — сказал Нуркасым, указывая рукой на сейф,— ты уже успел, очевидно, пересчитать, сколько в кассе денег...

И на самом деле, дверь сейфа была наполовину открыта. Как видно, сейф уже вскрыли, деньги забрали, но закрыть на ключ забыли.

Васильев не сразу нашелся, что ответить.

— Мы... не такие безбожники, как большевики,— сбивчиво и невпопад пробормотал он. — Совесть наша чиста... Как сам видишь, нас волнует одно: деньги эти предназначены для народа, и нас, естественно, интересует сколько их было.

Бондарев поддержал Васильева:

— Для нас всегда дороже денег была честь, человеческое достоинство. Такими мы были при большевиках, такими мы и остались.

— Знаю и вижу,—язвительно сказал Нуркасым.

Васильев и Бондарев сделали вид, что не заметили иронии.

— По всей России большевики получили по заслугам,— начал Васильев, ни к кому не обращаясь. — Теперь всюду установлены прежние порядки...

Краешком глаза Васильев наблюдал за Нуркасымом. Ему хотелось знать, какое впечатление производят его слова на Нуркасыма.

Но Нуркасым, как и прежде, сидел спокойно, ничем не выдавая своего волнения.

В дверях показался человек с винтовкой, поспешно вручил Бондареву письмо. Бондарев быстро прочитал его и тут же передал письмо Васильеву. Оба изменились в лице и недоуменно посмотрели друг на друга.

— Уведите его. У нас срочные дела. Потом допросим,— приказал Бондарев Абдували.

* * *

В камере Нуркасым теперь не один. С ним его друзья — Безымяннов, Сейдакматов, Касымбеков, Исамуддин.

В тюрьме сменили охранников.

Однажды Нуркасым увидел среди новых охранников знакомого парня, которого встречал раньше, когда ездил в Шаркыратму для вербовки добровольцев в Красную Армию. Этот парень тогда записался первым.

Нуркасым вспомнил: да ведь это же Шераалы, муж Бурулчи! Неужели и он заодно с мятежниками?..

Нуркасым хорошо помнил, что Шераалы приехал в Нарын вместе с другими добровольцами. Потом Нуркасым не раз встречал его на городской площади, где добровольцев обучали военному делу. Скоро почти всех добровольцев отправили на Копальский фронт. Шераалы и несколько его товарищей были оставлены в городе — при крепости, в караульной роте.

Когда начальник тюрьмы ушел, Шераалы открыл дверь камеры. Увидел Нуркасыма.

— Здравствуйте, Нуркасым-агай. И вы здесь?..

— Как видишь. И ты предал нас?!

— Я не оправдываюсь, но мы толком и не поняли, что происходит. Это все наш командир, Демченко...

Из рассказа Шераалы Нуркасыму стало ясно, что многие новобранцы-киргизы действительно не сразу поняли, что произошло в городе.

Демченко воспользовался этим.

— Агай, мы только теперь поняли, что эти люди против Советской власти,— продолжал Шераалы, боязливо оглядываясь по сторонам. — Я знаю: они предатели! Нас обманули, агай...

— Ну, хорошо, брат,— сказал Нуркасым. —

Я так и думал. Мы надеемся на тебя и верим тебе. Отныне ты должен информировать нас обо всем, что происходит в городе. В ближайшие дни из Пишпека прибудут воинские части. Ты постарайся непременно узнать, когда они прибудут, где их ожидают мятежники. Желаю успеха тебе, Шераалы!

Шераалы сдержал слово. Он связался с преданными Советам людьми из Он-Арчи, через них узнал, что Туркменский кавалерийский полк в скором времени прибудет в Нарын.

— Ура-а-а!—вполголоса крикнул Шераалы, войдя в камеру. — Да здравствует Красная Армия! Да здравствует Советская власть! Мятежникам смерть! Смерть контрреволюционерам-предателям! Скоро, товарищи, здесь будут наши!..

— Тише! Тише, Шераалы! Ваш начальник идет,— предостерег Нуркасым.

В камеру вошел длинноусый узбек с револьвером у пояса, пересчитал арестованных: все ли на месте. Вышел, позвал за собой Шераалы.

За дверью они о чем-то говорили, но так тихо, что Нуркасым не понял, о чем.

Когда длинноусый ушел, Нуркасым позвал Шераалы, спросил, о чем говорил начальник.

— Он настрого приказал не открывать камеры и не разговаривать с заключенными,— сказал Шераалы. — И предупредил: кто нарушит этот приказ — будет расстрелян.

* * *

Уже второй день не видать у камер Шераалы и его товарищей. Их сменили. Другие надзиратели,

в шинелях и с винтовками наперевес, открыли камеры и всех заключенных выгнали во двор.

«Неужели Шераалы и его товарищей заподозрили в тайной связи с нами?» — подумал Нуркасым.

Арестованных вывели из крепости и погнали в сторону моста по три-четыре человека в шеренге.

На улице стоял сильный мороз. Сухой снег жестко скрипел под ногами. Арестованные шли молча, тревожно поглядывая по сторонам. Когда подошли к мосту, свернули направо — к сараям зверопромышленника Неживых. Зверей и пушнину из сараев давно вывезли. В сараях остались только железные клетки. В эти клетки и загнали арестованных, по два-три человека в каждую.

Нуркасым и Исамуддин с тоской оглядели новую тюрьму.

Неожиданно прошел тревожный слух, будто всех арестованных расстреляют здесь же, не выводя из клеток. Однако очень скоро явился начальник тюрьмы и дал указание, чтобы всех арестованных немедленно вывели на улицу.

«Вот и конец,— пронеслось в голове у каждого. — Теперь расстреляют».

Но, к счастью, этого не произошло. Арестованных погнали обратно в крепость.

У крепости толпились солдаты. В центре толпы стоял высокий широкоплечий киргиз и о чем-то кричал, размахивая древком, к которому было прикреплено белое полотнище.

«Любопытно, что могли написать эти прохвосты на своих знаменах?..»— подумал Нуркасым.

«Только борьбой мы вернем свои права!» — прочитал он.

— Идиоты! — воскликнул Нуркасым.

— Видели их знамена? — спросил он Безымянова. — На них же эсеровские лозунги!

— Вот болваны! — тяжело выдохнул Безымянов. — «Борьба», «права»... Этими словами хотят обмануть народ. Старый метод. Но из этого ничего не выйдет!

— Бай-манапы обещали контрреволюционерам, что весь народ пойдет за ними, запишется в армию мятежников... По всему видать, что народ наш мудрее их, не поддался обману. Смотри на эту жалкую кучку... — Нуркасым хотел еще что-то сказать, но в это время конвоиры заорали:

— Эй, вы! Заткнитесь!..

— Молчать!

Арестованных опять загнали во двор крепости и распределили по камерам. Никто не мог понять, для чего все это делалось.

* * *

Наутро снова сменили надзирателей. И к счастью, на этот раз опять заступил на пост Шераалы со своими товарищами.

Шераалы рассказал, почему арестованных переводили в сарай зверопромышленника.

Оказывается, по приказу Бондарева их действительно должны были расстрелять там, в сарае.

Для того, чтобы исполнить свой замысел, Бондарев в тот день снял караульную роту у крепости на охрану моста, а белогвардейцев, охранявших мост, направил к сараю для расстрела заключенных.

Однако начальник тюрьмы, опасаясь народного гнева, воспротивился, побежал к Бондареву просить отложить расстрел заключенных. Договорились пока воздержаться.

— Ну, хорошо,— сказал Бондарев. — Расстреляем перед тем, как тронуться в дорогу.

Заключенные были рады, что их минула верная смерть, но каждого тревожило будущее.

— Товарищи, не переживайте! — обратился к заключенным Нуркасым. — Несмотря ни на что — мы остались живы. Вполне возможно, что пока палачи соберутся расстрелять нас, сюда подоспеют наши.

— Придут обязательно!..— поддержал Безымянков.

Нуркасым подбадривал товарищей, но на сердце у него было тревожно. Он с тоской вспоминал дорогих ему людей: жену, мать, Омурбека. Вспомнил и погибших товарищей.

— Братишка,—обратился Нуркасым к Шераалы через щель тюремной камеры. — Вот тебе мой домашний адрес. Я не знаю, что с женой, разыщи её, пожалуйста, сделай доброе дело...

Шераалы наклонил голову в знак согласия и проворно спрятал бумажку.

* * *

Вечерело. Обычный ужин, «кирзовую» кашу, сегодня не дали. Кухня не работала. Заключенные остались без ужина. Ночь прошла тревожно, многие до утра не сомкнули глаз.

Утром Шераалы открыл дверь камеры:

— Агай, я был в вашем доме, но, к сожалению, никого не застал,— сказал он. — Я принес радостную весть.

— Говори же скорее!

И Шераалы рассказал о том, что отряд мятежников выступил из города и у села Кочкор разделился на три группы. Одну группу направили на перевал Шамшы, вторую — в местечко Кубакы. А третья — основная — под командованием Кирьянова, двинулась на Рыбачье.

Когда кирьяновцы подошли к Орто-Токою, встретились с красными разведчиками, завязалась перестрелка. В этой перестрелке был убит Кирьянов, остальные мятежники бежали.

В то же самое время группа, отправившаяся в Кубакы, столкнулась с Туркменским кавалерийским полком и, потерпев поражение, отступила к Орто-Токою.

Кавалерийский полк, преодолев перевал Кубакы, объединился с полком Особого назначения, и они с двух сторон пошли в наступление.

Часть мятежников в схватке была перебита, многие сдались в плен, а остальные отступили к Нарыну.

* * *

О нарынском мятеже уже знали и в Пржевальске, и в Токмаке через агентов, присланных Кирьяновым. Кирьянов написал о заговоре брату, который находился в штабе 5-го пограничного полка, в Пржевальске. Содержание этого письма стало известно уездному военному комиссару Терно. Брат Кирьянова был арестован, а с ним — и его единомышленники из комсостава — Мухин, Петров и Хрущев.

И в Токмаке настроения были известны военному комиссару города Дубовицкому. Как только Туркменский полк тронулся в путь, он тотчас объявил город Токмак на военном положении. Организовал военизированный штаб, сформировал конный отряд и назначил командиром товарища Чебыкина. Охрану города и дорог возложил на начальника милиции Стомина и его заместителя Жайнака Садаева. Затем произвели обыски в домах и дворах баев и русских кулаков. Изъяли большое количество оружия и патронов.

Таким образом, заблаговременно был нанесен сокрушительный удар по контрреволюционным силам, которые готовились помочь наступавшим нарынским мятежникам.

Однако в городе еще было неспокойно.

* * *

К зданию Токмакской городской милиции прискакал всадник, торопливо соскочив с коня, взбежал по лестнице.

— Мне срочно нужен начальник милиции,— обратился он к милиционеру, стоявшему на посту. — У себя он?

— Начальника нет, но есть его заместитель Жайнак Садаев. Кто вы? Откуда?

— Издалека, из Загорного участка.

— Подождите, я доложу о вас.

Милиционер быстро вернулся.

— Проходите.

Когда гонец вошел, Жайнак встал, поздоровался:

— Говори, я слушаю. Из дальних мест приехал?

— Да, товарищ начальник. У меня срочное сообщение.

Гонец вытащил из внутреннего кармана письмо и передал его Садаеву.

Письмо было от начальника районной милиции Сыдыка Мураталиева.

«Дорогой друг! — писал Мураталиев. — Пишу тебе по срочному делу. Нарынские мятежники подошли к кыштаку Кочкор. От них отделилась группа и направилась в сторону Шамшы. Оттуда, по всей вероятности, эта группа двинется на Токмак. Примите срочные меры.

С сердечным приветом *С. Мураталиев*».

— Очень хорошо, что приехал. Как твое имя?

— Алымбек.

— Значит, Алымбек, ты только с дороги и, конечно, устал? Пойди отдохни сам и дай отдохнуть коню.

Жайнак вышел с Алымбеком и попросил одного из милиционеров, чтобы устроили гонца на отдых, а сам помчался в канцелярию военного комиссара.

— Филипп Селиверстович,— обратился Садаев к военному комиссару Дубовицкому. — Из Шамшы к нам движется группа мятежников.

— Ну?! — удивился Дубовицкий. — Может быть это слухи?

— Нет, это не слухи, товарищ комиссар.

Садаев перевел содержание письма.

— Едут на верную смерть,— с презрением сказал Дубовицкий. — Пускай едут, получат то, что ищут.

Он постоял, задумавшись.

— Как бы трудно ни было,— заключил Дубовицкий,— их нельзя допускать сюда. Здесь они постараются объединиться с кулаками, баями и манапами. А это может стоить многим жизни. Я сейчас дам приказ Чебыкину: пусть со своим отрядом выступает навстречу белым. И вы, товарищ Садаев, со своими джигитами присоединяйтесь к нему.

Объединившись, русские и киргизы создали один отряд и выехали из Токмака в направлении Шамшы. Мятежники встретили их огнем: оказалось, что к этому времени они уже перешли перевал и направились к Токмаку.

Как только показалась разведка белых, Жайнак, который ехал со своими людьми впереди отряда, дал команду открыть по врагу огонь. За ними в бой вступили и чебыкинцы.

От выстрелов гремело в горах раскатистое эхо.

Мятежники, не выдержав натиска и потеряв немало людей убитыми и ранеными, отступили к перевалу Шамшы. Там они натолкнулись на кавалеристов Туркменского полка, которые потеснили их из Кочкора к Долону.

Отряд Мураталиева сдерживал мятежников у перевала Шамшы, но, потеряв несколько человек убитыми, отступил. И белые сумели пройти к перевалу.

Однако вскоре кавалеристы пришли на помощь милиции, и, окружив мятежников со всех сторон, разгромили их окончательно.

* * *

Время близилось к полудню, а кормить заключенных, похоже, не собирались и сегодня. И не было никаких известий от родных.

«Что же все-таки происходит в городе?» — волновались Нуркасым и его товарищи.

В щели камеры арестованные увидели толпу мятежников, которые собрались у конторы надзирателей. Похоже, мятежники были в замешательстве. Они оглядывались по сторонам, явно опасаясь чего-то.

Заключенные встревожились.

— Теперь все, конец...— сказал кто-то подавленно.

— Неужели расстреляют? Без суда?

— Товарищи! — обратился к заключенным Безымяннов. — Если суждено умереть, то мы должны умереть геройски, будем бороться до последнего дыхания.

— Каким образом?

— Как с ними бороться, когда у нас нет никакого оружия?

— Все, что имеется у нас под рукой,— сказал Безымяннов,— будь то кусок железа или камень — все для нас должно стать оружием. Как только эти бандиты откроют нашу камеру, мы должны первыми напасть на них и уничтожить. А затем открыть остальные камеры и освободить наших.

— Ты настоящий командир, чувствуется военная закалка, Саша! — с радостью поддержал Безымяннова Нуркасым.

Все твердо решили, что поступят именно так. Напряженно ждали того часа, когда вот-вот откроются двери камеры и нужно будет вступить в смертельную схватку с врагом.

* * *

Солнце уже село за горизонт. Вооруженные охранники расхаживали по двору крепости.

— Будьте готовы, товарищи, ко всему! — подбадривали арестованные друг друга.

В это время за стенами крепости послышался конский топот и замер у ворот.

— Братцы! — крикнул кто-то с улицы. — Братцы! Красные идут!.. Они уже рядом, скоро будут здесь, в Нарыне. Бегите скорее, спасайтесь!..

У начальника тюрьмы, который давал надзирателям какие-то указания, от страха на лбу выступила испарина.

— Торопитесь! Возьмите все винтовки! — крикнул он и исчез куда-то со своими солдатами.

Воцарилась тревожная тишина.

— Товарищи, мы остались живы! Живы, слышите! — закричал кто-то радостно.

— Еще рановато нам ликовать...

— Нужно прежде вырваться отсюда...

Неожиданно начальник тюрьмы снова вернулся в крепость. На сей раз с Шераалы. Он лично проверил все запоры у камер. Когда убедился, что все камеры прочно заперты на замки, дал какое-то распоряжение Шераалы и снова исчез куда-то.

— Нуркасым-ага, Нуркасым-ага! — шепотом позвал Шераалы. — Белые удирают. Нас уводили на охрану моста. И вот опять пригнали сюда, а белых отослали к мосту.

— Выходит, их снова приводили сюда, чтобы расстрелять нас,— вслух подумал Нуркасым. — Расстрелять во второй раз... И опять неудача...

Он не ошибся. Начальник тюрьмы действительно присылал белых, охранявших мост, чтобы они расстреляли заключенных. Но звериному замыслу не суждено было осуществиться, так как части Красной Армии, разгромив белых мятежников в местечке Кара-Ункур, оставшихся в живых теснили к Нарыну.

Остатки мятежных банд, вернувшиеся в Нарын, бежали дальше — в Ат-Баши.

— Как бы они не сожгли мост,— сказал Сейдакматов.

— Не переживайте. Эти бандиты уже хотели сжечь мост, да не вышло: мост покрыт толстым слоем снега, обгорели только края,— сказал Шераалы.

— Тогда нам повезло. Ключ от камеры у тебя? — спросил Нуркасым.

— Нет. Ключ забрал с собой начальник тюрьмы.

— Тогда не теряй времени: узнай, где начальник. Если он уже удрал, попытайся сам взломать дверь нашей камеры. Мы должны выбраться отсюда. А там видно будет...

Шераалы вскоре вернулся:

— Его нигде нет. Похоже, и он сбежал.

Через несколько минут Шераалы с друзьями взломали двери камер.

— Да здравствует свобода!..

* * *

Ночь. Ясное звездное небо. Морозно. Тревожная тишина замерла над крепостью.

Нуркасым и его друзья собрались в конторе надзирателей, посоветовались и пришли к выводу, что необходимо срочно принять меры к самообороне — на тот случай, если воротятся мятежники.

— Александр Алексеевич,— обратился Нуркасым к Безымяннову. — Теперь каждый из нас приступит к своим обязанностям. Вы займетесь крепостью, наведете порядок. А мы — Шатов, Котляров, Сейдакматов и я — составим текст обращения к населению города. Надо восстановить в городе нормальную жизнь.

Безымяннов и четверо солдат обошли все камеры в крепости, освободили арестованных мятежниками.

На складе, где хранили оружие, нашли винтовки. Таким образом, удалось вооружить людей, организовать охрану крепости.

Когда Безымяннов вернулся в штаб, текст обращения уже был готов.

В обращении, в частности, говорилось: «Белые мятежники разгромлены. Большевики, заключенные в тюрьму, освобождены. В городе восстановлена Советская власть».

Безымяннов, прочитав обращение, одобрил:

— Хорошо написано. Нужно срочно отдать на машинку.

Нуркасым рассмеялся:

— Откуда машинка? Где ты ее найдешь?

— Постойте... Когда мы искали оружие, я где-то видел старую машинку. Возможно, она еще послужит нам. Я сейчас вернусь.

Комендант и Сейдакматов принесли машинку. Она действительно была старая, покрыта ржавчиной. Однако работала.

Отпечатали несколько экземпляров обращения. Нуркасым и Сейдакматов текст обращения перевели на киргизский язык.

Таким образом, обращение на двух языках, русском и киргизском, было готово. Его решили срочно расклеить на улицах города.

* * *

Кадыйча вернулась из крепости с тяжелым сердцем.

О, если бы могла, она отомстила бы и за Нуркасыма, и за себя, и за его друзей. Но что делать! Нужно взять себя в руки. Слезами горю не поможешь...

«Нет, я не имею права опускать руки в эти трудные для нас дни! — думала Кадыйча. — Во что бы то ни стало я должна узнать — жив ли Нуркасым».

«Надо написать ему»,— решила Кадыйча.

Она написала Нуркасыму небольшое письмецо.

«Дорогой мой Нуркасым!

Вначале я была уверена, что тебе удалось уйти от мятежников. К великому моему горю, как я узнала потом, они посадили и тебя. Приходила к тебе с передачей. Не приняли. Береги себя.

Твоя Кадыйча»

«Пойду к Асылкан-эже [1],— решила Кадыйча. — Если она понесет передачу мужу, возможно, ей удастся передать письмо и для Нуркасыма...»

Кадыйча торопливо шагала по городу. Сильный мороз колол лицо, руки, но Кадыйча не чувствовала холода — все ее думы были о Нуркасыме.

К счастью, Асылкан была дома и уже собиралась идти с передачей к мужу в крепость.

— Эже, умоляю вас, сделайте доброе дело, пере-

---

[1] Эже — почтительное обращение к женщине, старшей по возрасту.

дайте с продуктами письмо моему мужу. Я бы не стала беспокоить вас, но другого выхода у меня нету...

Асылкан молча взяла письмо из рук Кадыйчи. Сделала отверстие в хлебе, вложила туда письмо, а сверху закрыла коркой.

Кадыйча возвращалась домой, зыбкая надежда волновала ее.

Прошел день, другой, но от Нуркасыма ответа не было.

«Не может быть! Нуркасым жив!» — уверяла себя Кадыйча. И со страхом вспоминала угрозы надзирателя, того самого, который говорил, что Нуркасыма «на том свете накормят досыта». И сердце ее леденело.

Вдруг к Кадыйче прибежала сама Асылкан.

— Ну что, эже?! Есть новости? Вы принесли письмо от Нуркасыма, да?..

— Нет, родная. Разве ты не слыхала?

— О чем?

— Белые собираются расстрелять всех заключенных. А молодых женщин решили взять себе в жены. Тебе, Кадыйча, надо спрятаться, пока не поздно...

— Не может быть! — побледнела Кадыйча. — Нет предела их подлости. Что же мне делать? Мужа решили убить, а со мной — сделать все, что захочется? Нет, этому не бывать! Живой я им не дамся... А как же вы, эже?..

— Обо мне не беспокойся, родная. Что они могут со мной сделать, я мать двоих детей. Им нужны такие, как ты — молодые женщины. Я спешила тебя об этом предупредить. Спрячься, пока не поздно. Торопись, Кадыйча...

* * *

Кадыйча проводила Асылкан и поспешно вышла из дома.

Она не знала, куда пойдет и где спрячется. В городе знакомых много. Но на кого можно положиться? Кто согласится укрыть в своем доме жену такого известного в городе человека...

Несколько минут Кадыйча постояла в задумчивости и пошла к старухе, которая жила на восточной стороне города.

Это была Зоя Дмитриевна, уборщица уездного исполнительного комитета. Она жила в своей землянке одна. Не было у нее ни мужа, ни детей. Несколько серых кур — вот все ее богатство.

Кадыйча хорошо знала эту женщину, помогала ей, чем могла,— и одеждой, и деньгами. Кадыйча верила, что она спрячет ее, и почти бегом направилась к дому, где жила Зоя Дмитриевна.

— Тетя Зоя, откройте! — постучала Кадыйча.

— Кто спрашивает?

— Это я, тетя Зоя,— Кадыйча.

Старушка поспешно открыла дверь.

— Что случилось, доченька?

Кадыйча объяснила ей все.

— Ох, бандиты!.. Ты правильно сделала, доченька, что пришла. Я спрячу тебя. Теперь уж не долго осталось нам терпеть, доченька. Раздевайся. Согрейся и ложись, отдохни. Ночевать будешь в сарайчике — там тебя никто искать не станет. А завтра постарайся не попадаться им на глаза. Никуда не выходи из дому...

Тетя Зоя дала старый заячий тулуп, оставшийся

от мужа. Наскоро приготовила для Кадыйчи постель — за дровами, аккуратно сложенными в сарае, где хранилась разная рухлядь и жили куры.

Кадыйче одиноко и зябко в сарае. Вспомнила все, что ей пришлось пережить за последнее время.

Вечером Зоя Дмитриевна загнала кур в сарай, попрощалась с Кадыйчой и закрыла за собой дверь.

Куры устраивались на ночлег долго и шумно. Настороженно кудахтали, чувствуя присутствие постороннего. Наконец, и они успокоились.

Неспокойно только на душе Кадыйчи. Она прислушивалась к каждому шороху. Кадыйче не до сна. Там, в неволе, томится близкий ей человек. А она прячется в этом холодном сарае и не знает как ему помочь...

«Боже мой! — тяжело вздыхает Кадыйча. — Я готова перенести все, лишь бы он был живой, мой Нуркасым!..»

Было уже далеко за полночь, когда её, измученную тяжелыми думами, одолел сон.

* * *

Бесчисленные звезды растаяли в небе, медленно побледнел восток.

Кадыйчу разбудил петух:

— Ку-ка-ре-ку!

Кадыйча вздрогнула и открыла глаза.

В сарае по-прежнему было темно. Кадыйча решила еще немного вздремнуть. Но не смогла. Душу ее снова охватила та же боль, то же горе, та же тревога...

«Господи, дождусь ли я своего счастья? Бо-

же, если ты есть, защити, и помоги моему Нуркасыму....»

Светало.

Кадыйча слышала, как Зоя Дмитриевна ходит по двору, как открывает калитку и идет по воду.

Вдруг хозяйка поспешно возвратилась, открыла сарай:

— Доченька! — позвала Зоя Дмитриевна. — Ты меня слышишь? Выходи скорей, белые сбежали!.. И заключенных не успели расстрелять...

Кадыйча вскочила так быстро, что испугала кур и свалила дрова, за которыми Зоя Дмитриевна спрятала ее на ночь.

— Тетя Зоя, неужели это правда?!

— Правда, доченька, правда! Идем — покажу.

Она взяла Кадыйчу за руку и потянула за собой к тополю, на котором была наклеена листовка.

— Вот, смотри, доченька! Читай, что там написано?

Кадыйча прочитала:

«Мятежники трусливо бежали, в Нарыне вновь установлена Советская власть, заключенные освобождены, крепость в наших руках. Да здравствует Советская власть!

Председатель уездного революционного исполнительного комитета: *Нуркасым Жанболотов.*

Комендант крепости: *А. А. Безымянное.*»

Кадыйча не верила своим глазам. Она еще раз прочитала листовку:

— Тетя Зоя, я бегу в крепость!

— Да-да, беги, доченька, беги!

Кадыйча бежала, словно на крыльях, не чуя под собой ног.

За Кадыйчой побежала — не удержалась! — и Зоя Дмитриевна.

Когда Нарын был захвачен мятежниками, на улицах было пусто, будто вымер город. А сейчас, несмотря на раннее утро, город походил на муравейник: все куда-то спешили, суетились...

Когда Кадыйча прибежала к крепости, то поняла, что народ здесь собрался давно.

На крепостной стене стояли пятеро; один из них что-то говорил народу.

«Кто же это? — Кадыйча попристальнее посмотрела на говорящего. — Вроде и одежда на нем знакомая».

— Это он! Он это!

Кадыйча узнала Нуркасыма.

— Он! Он! Он!..— твердила она, и слезы радости душили ее...

— Нельзя плакать,— ласково, с укоризной сказал какой-то старик.— Зачем теперь плакать?..

Кадыйча украдкой вытерла глаза и, не отрываясь, смотрела на Нуркасыма.

Нуркасым говорил о том, что мятежники окончательно разгромлены, а оставшиеся в живых — сбежали в Китай. В Нарыне вновь установлена Советская власть...

— Да здравствует Советская власть!

— Да здравствует непобедимая Красная Армия!

Народ дружно вторил Нуркасыму:

— Да здравствует Советская власть, да здравствует Красная Армия!..

Дружное «ура-а-а!» звучало над городом.

Митинг кончился. Народ волной хлынул в от-

и поздравляли друг друга с победой.

Кадыйча с трудом выбралась из толпы и бросилась в объятия Нуркасыма...

— Родная, не плачь,— тихо сказал Нуркасым.— Теперь нужно радоваться. Самое трудное позади.

— Не буду. Это я от радости, прости...

— Скажи лучше, как тебе жилось без меня? Вчера я посылал домой человека. Но он не нашел тебя.

— Пока ни о чем не спрашивай. Расскажу как-нибудь потом.

Кадыйча опустила голову на грудь мужа и снова заплакала.

* * *

Солнце высоко поднялось над городом и залило окрестность нежаркими лучами. Вершины Ала-Тоо, покрытые снегом и льдами, блестели ярко и как-то по оссбому торжественно: казалось, и сама природа не могла скрыть радость завоеванной победы.

Навстречу частям Красной Армии отправили Сейдакматова с сообщением о том, что мятежники бежали, и город вновь в наших руках, и что Красную Армию ждут здесь с нетерпением.

Город готовился к встрече частей Красной Армии: подготавливали квартиры, продовольствие, фураж, склады...

В полдень прискакал дозорный:

— Со стороны Он-Арчи показались два всадника. Похоже, это конная разведка...

Нуркасым и Безымяннов поднялись на сторожевой холм и действительно увидели всадников. Они

были уже совсем рядом, стояли в нерешительности — вероятно, опасаясь чего-то.

Нуркасым помахал рукой, приглашая их в крепость. Но конники не двигались с места.

— Они нам не доверяют,— предположил дозорный. — Хотят убедиться, кто мы... А не лучше ли нам со знаменами выйти им навстречу?..

— Так и сделаем! — одобрил Нуркасым. — Спасибо за хороший совет.

Представители власти, вместе с народом, который собрался в низине, вышли к мосту через реку Нарын навстречу всадникам.

Увидев людей, идущих с алыми полотнищами, те двое двинулись вниз, к реке.

Встретились на мосту.

Это были разведчики Туркменского кавалерийского полка.

Как потом стало известно, Сейдакматова поначалу задержали. Не поверили, усомнились: может, провокация мятежников. И решили посланца пока задержать, а к городу выслать конную разведку.

Прошел долгий час в ожидании частей Красной Армии, прежде чем со стороны долины Он-Арча показались колонны красных воинов.

Впереди, на санях, запряженных парой лошадей,— Тегин с Сейдакматовым.

И тысячеголосое «ура-а-а!» взорвалось над городом.

Красная конница вступала в Нарын.

Баялинов Касымалы

КРАСНОЕ ЗНАМЯ НАРЫНА

Перевел с киргизского Валерий Вакуленко

Для старшего школьного возраста

Редактор Е. Озмитель
Художник Т. Герцен
Худож. редактор К. Сейталиев
Техн. редактор С. Нурмиева
Корректор А. Абдиева

ИБ — 582

Сдано в набор 21/III 1977 г. Подписано к печати 6/VI 1977 г. Бумага мелованная. Формат бумаги 70×108 1/32, 2,75 физ. печатных листов, 3,85 условн. печатных листа, 3,33 учетно-издательских лист. Д—02729. Заказ № 164. Тираж 15000. Цена 35 коп.

720002, г. Фрунзе ул. Советская 170 издательство «Мектеп»

720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулёвская, 102, Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР Госкомиздата Киргизской ССР.